Ах1 4-5
№ 8
Гс I. 4.26 №2

Поленов А. Д.

II-37123р.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

Резерв

297/97

ОТЧЕТЪ

ПО КОМАНДИРОВКѢ

НА

МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ.

А. Д. Полѣнова.

БИБЛІОТЕКА
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1876

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 16 апрѣля 1876 г.

ОТЧЕТЪ ПО КОМАНДИРОВКѢ НА МУРМАНСКІЙ БЕРЕГЪ [1].

Организація трескового промысла. Участниковъ тресковаго промысла на Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ можно подраздѣлить на три категоріи: 1) На скупщиковъ рыбы, владѣющихъ большими палубными судами, приспособленными къ далекимъ морскимъ плаваніямъ, 2) хозяевъ промысловыхъ лодокъ, исключительно предназначаемыхъ для лова рыбы, и 3) покрученіковъ, т. е. работниковъ на промысловыхъ лодкахъ.

Въ числѣ скупщиковъ рыбы находятся петербургскіе купцы, поморскіе промышленники и кольскіе купцы и мѣщане. Болѣе богатые изъ нихъ, владѣя лучшими судами, доставляютъ въ Петербургъ, огибая Нордъ-капъ, взятую на Мурманскомъ берегу и купленную въ Норвегіи рыбу; не столь зажиточные, не имѣя судовъ, годныхъ для дальнихъ рейсовъ, возятъ свою рыбу въ Архангельскъ. Такимъ образомъ вся рыба, добываемая въ нашихъ водахъ Сѣвернаго океана, имѣетъ только два мѣста сбыта—Петербургъ и Архангельскъ.

Въ числѣ хозяевъ промысловыхъ лодокъ, преимущественно шнякъ [2]), находятся жители городовъ Онеги, Кеми, Колы, при-

[1]) Въ февралѣ 1875 года командированъ былъ на Мурманскій берегъ чиновникъ для особыхъ порученій министерства финансовъ А. Д. Полѣновъ съ цѣлью собранія свѣдѣній о положеніи поселеній и промысловъ на Мурманскомъ берегу и данныхъ для сужденія о возможныхъ улучшеніяхъ сихъ промысловъ. Настоящая статья составляетъ отчетъ, представленный г. Полѣновымъ по исполненіи возложеннаго на него порученія.

[2]) Ниже помѣщено описаніе величины и значенія какъ шняки, такъ и другихъ употребляемыхъ у насъ промысловыхъ судовъ.

брежныхъ бѣломорскихъ поселеній отъ г. Онеги до сел. Кандалакши и нѣкоторыхъ селеній, расположенныхъ внутри онежскаго и кемскаго уѣздовъ. Число промысловыхъ лодокъ, находящихся во владѣніи одного хозяина, доходитъ до пяти, рѣдко больше, потому что, если промыселъ на столько обиленъ, что даетъ ему возможность увеличить число ихъ, то онъ, обыкновенно, предпочтетъ завести небольшое каботажное палубное судно, напр ладью или раньшину, и отъ рыбнаго промысла переходитъ къ торговымъ операціямъ, а именно занимается мѣновою торговлею съ Норвегіею, или становится скупщикомъ рыбы.

Тѣ изъ обитателей названныхъ мѣстностей, которые не имѣютъ средствъ обзавестись собственными шняками и снастями, предлагаютъ свои услуги владѣльцу промысловыхъ лодокъ и становятся его работниками, „покрученикамиˮ—по мѣстному выраженію. Они обыкновенно идутъ въ покрутъ партіями въ четыре человѣка, изъ числа коихъ одинъ назначается кормчимъ, или, употребляя тамошнее названіе, „корщикомъˮ, а остальные трое — рядовыми. Нормальный промысловый составъ команды шняки бываетъ обыкновенно въ четыре человѣка; увеличивается же онъ тогда, когда въ числѣ рядовыхъ находятся женщины; двѣ женщины замѣняютъ одного мужчину и каждая изъ нихъ носитъ оригинальное названіе „половинкиˮ. При каждой почти шнякѣ, сверхъ промысловаго комплекта, находятся одинъ или два мальчика отъ 10 до 16 лѣтъ; ихъ называютъ „зуямиˮ. Они, вмѣстѣ съ остальными покрученикамиˮ, отправляются на мѣсто промысла, но въ ловѣ рыбы не участвуютъ; обязанность же ихъ состоитъ въ распутываніи рыболовныхъ снастей по возвращеніи шняки съ промысла и въ приготовленіи ихъ къ новому выходу въ океанъ.

Покрученики не получаютъ никакой платы, а участвуютъ въ выгодахъ промысла на правахъ пайщиковъ. Отношенія ихъ къ владѣльцу промысловыхъ лодокъ слѣдующія: они являются къ нему, передъ наступленіемъ весны, въ концѣ января или началѣ февраля, съ пустыми руками; онъ долженъ снабдить каждое судно по меньшей мѣрѣ двухмѣсячною провизіею: хлѣбомъ, крупою, чаемъ, сахаромъ, ромомъ (непремѣнно) и, само собою разумѣется, рыболовными снастями. Независимо отъ этихъ расходовъ, промышленники забираютъ у хозяевъ деньгами стоимость части своихъ будущихъ паевъ. За все это хозяинъ шняки получаетъ двѣ трети всей промысловой выручки; остальная же треть дѣлится между покрученикамиˮ, причемъ корщикъ получаетъ добавленіе изъ хозяй-

ской доли и денежную награду отъ хозяина въ размѣрѣ отъ 10 до 50 рублей. Надо замѣтить, что только часть провизіи, отпускаемая на шняку и именно предметы необходимости, какъ то: хлѣбъ, крупа, соль и дрова, составляютъ расходъ хозяина; другая же часть, какъ чай, сахаръ и ромъ, вычитается, по оцѣнкѣ, изъ паевъ покрученіковъ. Впрочемъ этими послѣдними предметами промышленники снабжаются тогда, когда идутъ промышлять въ небольшія становища, гдѣ нѣтъ продажи этихъ товаровъ; въ противномъ случаѣ покрученики пріобрѣтаютъ эти предметы на собственный счетъ, по приходѣ на мѣсто промысловъ, напр. въ Цыпъ-наволокъ, Вайдугубу, Еретики и др. Иногда хозяинъ шняки самъ идетъ на промыселъ, но это не измѣняетъ способа раздѣла; онъ получаетъ свою хозяйскую часть и долю того покрученика, чью обязанность онъ исправляетъ—обыкновенно обязанность корщика. Такъ или иначе, снаряженіе шняки стоитъ довольно дорого; а если ихъ нѣсколько, то для снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, для подъема и отправки рабочихъ нуженъ оборотный капиталъ рублей въ семьсотъ и больше. Бываетъ,—и это въ большинствѣ случаевъ,—что когда приходитъ время отправлять покрученіковъ на промыселъ, у хозяина шнякъ оказывается недохватъ въ деньгахъ. Это происходитъ обыкновенно въ февралѣ или началѣ марта, когда поднимается все Поморье и идетъ на океанъ и когда прошлогодніе доходы отъ промысловъ уже истощились. Отправить покрученіковъ необходимо, пропустить время—значитъ пропустить и всю годовую прибыль, а отправить ихъ безъ денегъ нельзя. Къ этому времени подъѣзжаютъ изъ Петербурга въ Кемь крупные рыбопромышленники, скупщики рыбы, съ запасомъ денегъ, для раздачи задатковъ.

Взаимныя отношенія участниковъ въ рыбномъ промыслѣ. У крупныхъ рыбопромышленниковъ Мурманскаго берега свои корабли, которые къ началу промысла, т. е. въ послѣднихъ числахъ марта, подходятъ къ мѣсту нахожденія факторій промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Владѣльцы кораблей не держатъ рабочихъ для лова рыбы, а покупаютъ или, правильнѣе говоря, принимаютъ рыбу, вылавливаемую шняками, на свои корабли, гдѣ находятся вѣсы, для взвѣшиванія привезеннаго товара, и гдѣ корщику выдается квитанція („квитокъ“ или „сегель“, вѣроятно послѣднее произведено отъ нѣмецкаго Sigel) о числѣ принятыхъ пудовъ рыбы. Понятно, что чѣмъ больше шнякъ работаетъ на одного промышленника-кораблевладѣльца, чѣмъ скорѣе онъ нагрузитъ свои корабли и отправитъ ихъ въ Петербургъ, тѣмъ ему выгоднѣе: ко-

*

рабль не простаиваетъ лишняго времени, а, разгрузясь въ Петербургѣ, можетъ быть зафрахтованъ, до зимы, еще подъ нѣсколько рейсовъ. Поэтому крупный промышленникъ, проѣзжая чрезъ Сумской и Сороцкій посады, а, главное, черезъ Кемь и также на дальнѣйшемъ пути слѣдованія до самой Колы, старается привлечь на свою сторону какъ можно больше шнякъ. Способъ привлеченія весьма простъ; онъ заключается въ ссуженіи владѣльца шнякъ столь необходимыми ему деньгами. Этотъ послѣдній выдаетъ вексель на занятую сумму и отдаетъ приказъ своимъ корщикамъ сдавать рыбу на корабли ссудившаго рыбопромышленника, который, въ отношеніи своего должника и его покрученіковъ, называется хозяиномъ. Кредитъ, которымъ пользуется владѣлецъ шнякъ, находится въ прямомъ отношеніи къ числу ихъ и простирается обыкновенно отъ пятидесяти до двухсотъ рублей. Но, благодаря тому, что покрученики участвуютъ въ промыслѣ на правахъ пайщиковъ, и они пользуются кредитомъ, забираются у крупнаго промышленника; впрочемъ они прибѣгаютъ къ этому, если не забрались у своего ближайшаго хозяина,—у владѣльца шняки. Ихъ кредитъ рѣдко превышаетъ двадцать пять рублей на человѣка и зависитъ отъ благонадежности и искусства корщика, полнаго распорядителя шняки со времени прибытія на океанъ; однако личный кредитъ корщика доходитъ и до пятидесяти рублей. Конечно, покрученикамъ выдается тѣмъ большая сумма, чѣмъ меньше забрался хозяинъ шняки, и наоборотъ, потому что ихъ долгъ лежитъ все-таки на его отвѣтственности. Часть забранныхъ денегъ покрученики оставляютъ женамъ на лѣто, а часть берутъ на дорогу.

Въ сущности это—своеобразный способъ найма рабочихъ, съ одной стороны избавляющій крупнаго промышленника отъ извѣстныхъ всякому хозяину непріятностей найма рабочихъ, заключенія съ ними часто нарушаемаго условія и наблюденія за рабочими во время промысла, а съ другой—дающій возможность шнякамъ продавать на сторону излишнюю рыбу. Прекрасное и едва ли не лучшее сочетаніе условій для развитія вполнѣ свободнаго труда! Участіе покрученіковъ паями въ выгодахъ промысла имѣетъ то неоцѣнимое нравственное значеніе, что какъ хозяинъ шняки, такъ равно корщикъ и рядовые, въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы ходомъ дѣла. На преимущества такой организаціи тресковаго промысла уже указалъ д. с. с. Данилевскій въ своемъ изслѣдованіи о состояніи рыболовства въ Россіи [3]). Тутъ нѣтъ того обоюдно раз-

[3]) Т. VI, отчетъ III, гл. I, § 3, а.

вращающаго начала, которое встрѣчается при наемномъ трудѣ, гдѣ иногда хозяинъ выгадываетъ, какъ бы заставить наемнаго наработать возможно больше, хотя бы и черезъ силу, и гдѣ рабочій норовитъ, какъ бы пролежать или прогулять лишній хозяйскій день, хотя бы и безъ всякой пользы для себя. Этотъ интересъ къ ходу промысла дѣйствуетъ развивающе на населеніе. Простой рядовой основательно и вполнѣ изучаетъ дѣло, и чуть у него заведутся лишнія деньги, самъ выходитъ въ хозяева.

Причины сѣтованія рабочихъ на притѣсненія со стороны рыбопромышленниковъ. Къ сожалѣнію, и тутъ является столь знакомое промышленнымъ странамъ, неумѣренное господство капитала надъ рабочею силою. Крупные промышленники пользуются тѣмъ, что, ссудивши хозяина шняки, ставятъ его въ совершенную отъ себя зависимость и употребляютъ всѣ усилія, чтобы не давать ему возможности выйти изъ этого положенія; въ этомъ ихъ прямая выгода. Заручившись извѣстнымъ количествомъ должниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ или меньшимъ числомъ промысловыхъ лодокъ, крупный рыботорговецъ не боится уже остаться безъ груза. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что и на будущій годъ къ нему обратятся за деньгами тѣ же самые промышленники, которые, поэтому, употребятъ всѣ усилія, чтобы аккуратно разсчитаться съ нимъ; такимъ образомъ, онъ имѣетъ возможность устанавливать, во время промысла, цѣну на рыбу. Конечно, конкурренція не даетъ ему слишкомъ большаго простора; хотя дѣйствіе ея тамъ еще весьма слабо, но, тѣмъ не менѣе, оно уже замѣтно; такъ напр., каждое значительное повышеніе цѣнъ на рыбу совпадало съ прибытіемъ на Мурманскій берегъ какого-нибудь новаго крупнаго промышленника, который, желая привлечь поморовъ на свою сторону, набивалъ цѣны на рыбу. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ постепенно повышалась цѣна на свѣжую треску за послѣднія двѣнадцать лѣтъ, въ становищахъ восточной стороны Рыбачьяго полуострова, во время весенняго промысла:

Годъ.	Крайнія цѣны пуда трески.	Средн. цѣна пуда трески.	Примѣчанія.
1863 и 1864	отъ 10 до 25 к.	17½ к.	
1865	„ 15 „ 30 „	22½ „	
1866	„ 25 „ 35 „	30 „	Прибытіе кораблей купца Зубова.
1867	„ 25 „ 35 „	30 „	
1868	„ 25 „ 36 „	30½ „	

1869	„ 35	„ 40	„ $37^1/_2$ „	Высочайше разрѣшено датскому генеральному консулу Пализену учредить факторію на Мурманскомъ берегу.
1870	„ 45	„ 50	„ $47^1/_2$ „	
1871	„ 40	„ 53	„ $46^1/_2$ „	
1872	„ 35	„ 52	„ $43^1/_2$ „	
1873	„ 45	„ 55	„ 50 „	Высочайше разрѣшено потомственному почетному гражданину Смолину учредить факторію на Мурманскомъ берегу.
1874	„ 40	„ 55	„ $47^1/_2$ „	
1875	„ 38	„ 43	„ $40^1/_2$ „	

Изъ этихъ цифръ видно также, что цѣны на рыбу не держались на той высотѣ, на которую поднимали ихъ вновь прибывавшіе купцики, а, вслѣдъ за сильнымъ повышеніемъ, снова постепенно падали. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что владѣлецъ шняки—должникъ, и что, сдавая рыбу не своему хозяину-кредитору, а постороннему, онъ только изъ двухъ золъ выбираетъ меньшее. Вексель имъ выданъ не на срокъ, а по предъявленіи, и, въ случаѣ неисполненія съ его стороны, или со стороны его корщика условія, можетъ быть предъявленъ ко взысканію. Къ тому же и кредитъ его падаетъ; неакуратные должники извѣстны наперечетъ и ихъ избѣгаютъ крупные промышленники. Въ виду этого, хотя мнѣ и приходилось слышать обвиненія противъ владѣльцевъ промысловыхъ лодокъ; въ неисполненіи обязательствъ, но едва ли ихъ можно такъ безусловно обвинять; такая неисправность бываетъ, въ большей части случаевъ, вынуждена притѣсненіями при разсчетѣ, и виновными являются скорѣе промышленники-скупщики. Притѣсненія эти заключаются въ слѣдующемъ: когда корабль нагрузился вполнѣ и собирается отходить, или когда покрученики не переходятъ изъ одного становища въ другое, то корщикъ или владѣлецъ промысловой лодки является къ хозяину корабля, на который онъ сдавалъ рыбу, и проситъ разсчета. Хозяинъ корабля сравниваетъ росписки, выданныя имъ въ пріемкѣ рыбы, съ долговыми документами, данными ему хозяиномъ промысловой лодки за забранный товаръ и деньги. Если при этомъ окажется, что промышленникъ-рыболовъ больше забралъ, нежели сколько сдалъ, то онъ доплачиваетъ деньгами, или выдаетъ новый долговой документъ; если же, напротивъ, сдача оказывается больше забора, т. е. если должникомъ является уже промышленникъ-скупщикъ, то онъ упо-

требляетъ всѣ усилія, чтобы разсчитаться не деньгами, а товаромъ своей торговли, и часто товаромъ низкаго достоинства, но приносящимъ значительный барышъ помимо тѣхъ выгодъ, которыя доставитъ рыба, оплаченная этимъ товаромъ. Наконецъ, если для полнаго разсчета остается доплатить нѣсколько рублей, а товару набрано достаточно, то и тутъ скупщикъ старается избавиться отъ уплаты наличными деньгами, а уговоритъ покрученниковъ взять нѣсколько бутылокъ рома, такъ какъ этотъ товаръ наиболѣе поддается дробленію на мелкія единицы. Нечего и говорить, что пріобрѣтенный такимъ образомъ ромъ выпивается немедленно и еще больше развиваетъ распространенное на Мурманскомъ берегу пьянство. Только крупные промышленники, вывозящіе на своихъ корабляхъ отъ двадцати до тридцати и болѣе тысячъ пудовъ рыбы, доплачиваютъ, при разсчетахъ, разность наличными деньгами.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ обычаѣ, установившемся въ отношеніяхъ крупныхъ промышленниковъ-скупщиковъ къ мелкимъ и неговорящемъ въ пользу первыхъ, а именно о процентахъ, которые насчитываются нѣкоторыми изъ нихъ на взятыя въ счетъ промысла деньги. Проценты эти взимаются въ размѣрѣ отъ 10 до 15 въ два мѣсяца, и, кромѣ того, не вся сумма выдается наличными деньгами, а только часть ея, другая же часть—товаромъ. Не касаясь вопроса о значительности размѣровъ процента, слѣдуетъ замѣтить, что, строго говоря, этотъ авансъ денегъ не составляетъ займа; его, казалось бы, правильнѣе приравнять къ задаткамъ при подрядахъ, тѣмъ болѣе, что и самый долговой документъ, выдаваемый владѣльцемъ промысловой лодки, всегда содержитъ въ себѣ обязательство разсчитываться *поставкою рыбы* во время промысловъ и, такимъ образомъ, весьма сходенъ съ договоромъ о подрядѣ. Поэтому, нѣтъ достаточнаго основанія брать проценты на такого рода авансы.

Способы лова трески, употребляемые на Мурманскомъ берегу. Вся добываемая на Мурманскомъ берегу треска ловится двоякимъ способомъ: на ярусъ или на уду. Первымъ способомъ промышляютъ поморы, т. е. жители Бѣломорскаго побережья отъ г. Онеги до сел. Кандалакши, коляне и лопари, вторымъ—норвежцы и финляндцы. Ярусомъ называется рядъ связанныхъ между собою веревокъ, толщиною въ мизинецъ, къ которымъ прикрѣплены тонкія бичевки (аростеги), съ привязанными на концахъ стальными крючками, наживленными мелкою рыбою. Длина аростегъ бываетъ обыкновенно въ аршинъ и аршинъ съ четвертью; разстояніе же, на которомъ

одна аростега прикрѣплена отъ другой, завпситъ отъ того, густо или рѣдко идетъ рыба, и доходитъ до сажени. Такъ какъ ярусъ составленъ изъ нѣсколькихъ концовъ веревокъ, то и длину его можно разнообразить, смотря по обстоятельствамъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; поэтому яруса и бываютъ отъ сотни саженъ до нѣсколькихъ верстъ *) въ длину. Устроенный такимъ образомъ ярусъ промышленники завозятъ на своей лодкѣ на десятъ и двадцать верстъ въ океанъ и тамъ спускаютъ въ воду одинъ конецъ, привязавъ къ нему якорь, а къ якорю поплавокъ (кубасъ), служащій для обозначенія мѣста, на которомъ лежитъ ярусъ. Такихъ поплавковъ бываютъ отъ двухъ до восьми на одномъ ярусѣ, смотря по длинѣ его. Когда выброшенъ первый якорь то промышленники идутъ дальше въ океанъ и на ходу выбрасываютъ весь ярусъ и, наконецъ, бросаютъ послѣдній якорь и ставятъ послѣдній кубасъ. Такимъ образомъ случается, что промышленники отойдутъ отъ берега верстъ на двадцать и больше. Вообще же выборъ мѣста, на которомъ начинается метаніе яруса, и дальнѣйшее его направленіе вполнѣ зависятъ отъ корщика. Умѣніе выбирать мѣста и направленіе лова составляетъ репутацію корщиковъ. Когда поставленъ послѣдній кубасъ, то промышленники, привязавъ къ нему свою лодку, останавливаются часовъ на пять или на шесть и, утомленные продолжительною работою, ложатся спать. Эта стоянка—одна изъ самыхъ опасныхъ минутъ во время промысла, потому что сонныхъ промышленниковъ часто, совершенно неожиданно, застигаетъ буря посреди океана. Впрочемъ, наши поморы, въ особенности онежане, на столько сроднились съ опасностями и на столько пребрегаютъ ими, что въ подобныхъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить назадъ въ становище, попытаются еще выбирать ярусъ. Только тогда, когда волны начнутъ уже плескать черезъ бортъ, и нѣтъ возможности отливать воду, они оставляютъ ярусъ на кубасахъ и спасаются въ первой закрытой бухтѣ. Но иногда и въ бухту нѣтъ возможности войти, и если лодку не разобьетъ о прибрежныя скалы, то промышленники пускаются въ полъ-паруса на произволъ разбушевавшихся волнъ.

Всѣмъ этимъ опасностямъ не подвергаются порвежцы и финляндцы, такъ какъ они ловятъ не на ярусъ, а на уду. Они выходятъ въ океанъ, не отходя отъ берега такъ далеко, какъ этого

*) До 9 верстъ. Вышеприведенное сочиненіе Данилевскаго, т. VI, отчетъ III, гл. I, § 2.

требуетъ ярусный промыслъ, бросаютъ якорь, или удерживаются на мѣстѣ веслами и спускаютъ въ воду длинную бичевку (лесу), къ концу которой привязанъ желѣзный прутъ, длиною около 10 вершковъ, перехваченный лесою по срединѣ. Отъ обоихъ концовъ этого прута спускаются внизъ двѣ тонкія бичевки (аростеги) съ крючками, наживленными мелкою рыбою, червемъ или кускомъ сырой трески. Аростеги и тутъ, какъ на ярусѣ,—длиною около аршина. Повыше желѣзнаго прута прикрѣплено къ лесѣ грузило, т. е. чугунная или свинцовая гирька, около фунта вѣсомъ, что̀ даетъ возможность опустить крючекъ на произвольную глубину, не опасаясь, что онъ собьется въ сторону теченіемъ. Рыболовъ, держа лесу въ рукахъ, отъ времени до времени двигаетъ ею взадъ и передъ, или вверхъ и внизъ; это движеніе передается и крючку съ наживкою, которую треска и хватаетъ.

Существенныя преимущества удебнаго промысла передъ ярусными заключаются въ томъ, что первый сопряженъ съ значительно меньшими расходами и меньшею тратою времени, а также не подвергаетъ промышленниковъ тѣмъ опасностямъ, которыя почти неизбѣжны при ярусномъ промыслѣ. Что касается расходовъ, то кромѣ того, что уда стоитъ несравненно дешевле яруса,—при удебномъ промыслѣ нѣтъ надобности пріобрѣтать неводъ для лова наживки, такъ какъ крючки обыкновенно наживляются кусками свѣжей трески или сайды. При ярусномъ же промыслѣ неводъ составляетъ необходимую и на столько дорогую *) принадлежность лова, что невода пріобрѣтаются по одному на нѣсколько лодокъ. Возможность обойтись при удебномъ промыслѣ безъ лова мелкой рыбы, мойвы или песчанки, для наживки, избавляетъ еще отъ значительной потери времени, такъ какъ наживка не всегда водится въ близкомъ разстояніи отъ становища, и каждый выѣздъ за нею отнимаетъ цѣлыя сутки. Не мало времени тратится также на далекіе, сравнительно, выѣзды въ океанъ, для выметыванія яруса и на стоянку у послѣдняго кубаса, въ ожиданіи клева, причемъ нерѣдко часть рыбы, а иногда и вся, попавши уже на крючки, оказывается объѣденною проходившими акулами; тогда снова приходится наживлять и выметывать ярусъ. Наконецъ, удебный промыселъ не такъ опасенъ, какъ ярусный, потому что не требуетъ столь далекихъ выходовъ и продолжительной стоянки въ открытомъ океанѣ.

---

*) Неводъ стоитъ около тридцати рублей и служитъ не болѣе двухъ лѣтъ.

Причина, почему наши промышленники не принимаютъ норвежскаго способа лова, т. е. удебнаго, заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что на ярусъ рыба попадается крупнѣе, чѣмъ на уду и цѣна ей другая: ярусная рыба всегда отъ пяти до семи копѣекъ на пудъ дороже удебной. Но едва ли эти нѣсколько лишнихъ копѣекъ окупаютъ рискъ, затраты и вознаграждаютъ за потерю времени, съ которыми сопряженъ ярусный промыселъ. Мнѣ кажется, можно смѣло сказать, что при удебномъ способѣ лова выигрышъ во времени и, потому, въ количествѣ рыбы съ избыткомъ вознаграждаетъ за то, что теряется въ ея качествѣ.

Рыболовныя суда, употребляемыя на Мурманскомъ берегу. Условія яруснаго и удебнаго промысловъ на столько различны, что каждому изъ нихъ присвоена своеобразной конструкціи промысловая лодка, а именно: ярусному промыслу — шнякà, удебному—ёла. Шняка имѣетъ въ длину отъ четырехъ до шести саженъ, а въ ширину около двухъ съ половиною аршинъ и до сажени съ четвертью. Она шьется изъ досокъ и формою похожа на тѣ лодки, которыя шьются крестьянами на рѣкахъ Ладожскаго бассейна: Волховѣ, Сяси, Пашѣ, Свири и Ояти. Есть основаніе предполагать, что нынѣшніе поморы—потомки древнихъ новгородцевъ, удалившихся на Бѣломорское прибрежье, въ XVI вѣкѣ, отъ возроставшаго могущества московскихъ царей. Вѣроятно, эти переселенцы стали строить морскія лодки, шняки, по образцу тѣхъ, которыя они употребляли на рѣкахъ своей родины. Сходство наружнаго очертанія тѣхъ и другихъ поразительно; разница заключается только въ большей прочности работы шнякъ: такъ, лодки названныхъ рѣкъ шьются изъ простого теса, который пригибается къ шпангауту и сшивается гибкими еловыми или можжевеловыми вѣтками; въ шнякъ же на два нижнихъ ряда идутъ доски, вытесанныя уже въ готовой, изогнутой формѣ, изъ цѣлаго бревна, и сшивка производится крученными бичевками. Поэтому, рѣчныя лодки, употребляемыя и теперь въ нѣкоторыхъ уѣздахъ петербургской, новгородской и олонецкой губерній, стоютъ отъ 10 до 20 руб., а шняка вчернѣ, т. е. безъ оснастки, стоитъ до шестидесяти рублей; во столько же, приблизительно, обходится и оснастка ея, какъ то: устройство кормовой и носовой каютъ, отдѣленій для уборки рыбы, парусности и проч. Такой конструкціи лодки, вполнѣ удовлетворяющія требованіямъ рѣчнаго плаванія, оказываются непригодными для океана и во многомъ уступаютъ норвежскимъ ёламъ, которыя отличаются чрезвычайно изогнутою, почти ломанною линіею средняго шпангаута, съ

широкимъ отверстіемъ, между тѣмъ какъ средній шпангаутъ шняки представляетъ кривую линію съ незначительнымъ изгибомъ. Благодаря такому устройству, ёла принимаетъ на горизонтальную часть своихъ бортовъ напоръ волны, не давая ей плескать черезъ бортъ, что бываетъ со шнякою, имѣющею большую осадку и менѣе наклоненную, къ поверхности воды, плоскость бортовъ. Въ связи съ этимъ находится и то преимущество ёлы, что она имѣетъ значительно большую грузовмѣстимость, нежели шняка. Такъ, при одной и той же длинѣ, ёла подымаетъ до 300 пудовъ, а шняка—не болѣе 250. Шняка, какъ выше было замѣчено,—рѣчное судно; по происхожденію она поворотливѣе ёлы и лучше ходитъ на веслахъ—два условія необходимыя при ярусномъ промыслѣ. Для этого способа лова ёла, тѣхъ же размѣровъ, какъ обыкновенная шняка, совершенно непригодна. Вотъ почему поморы такъ упорно держатся шняки.

На Мурманскомъ берегу употребляется еще два вида рыболовныхъ лодокъ, а именно: тройники и брамы. Тройникъ, плоскодонное и неповоротливое судно, употребляется лопарями, промышляющими въ губѣ Моткѣ. Но въ послѣдніе два, три года онъ сталъ выходить изъ употребленія, такъ какъ лопари замѣняютъ его ёлами собственной и очень искусной постройки. Брама отличается отъ шняки только лишнимъ рядомъ бортовыхъ досокъ; бортъ шняки состоитъ изъ четырехъ досокъ, а бортъ брамы—изъ пяти. Хотя этотъ лишній рядъ и даетъ возможность грузить браму до 350 и 400 пудовъ, но за то онъ отнимаетъ у нея поворотливость и ходкость на веслахъ, не придавая качествъ елы—устойчивости на волнахъ; поэтому употребленіе брамъ для лова рыбы очень мало распространено.

О нѣкоторыхъ промыслахъ, кромѣ трескового, существующихъ и могущихъ развиться на Мурманскомъ берегу. Кромѣ трески, составляющей главную добычу рыбнаго промысла, на ярусъ и на уду попадаются и другія рыбы какъ то: палтусъ, зубатка, нестуха и никшуй. Изъ нихъ послѣднія три, хотя принадлежатъ къ тресковому роду и похожи на треску, цѣнятся въ половину дешевле ея. Палтусъ же, принадлежащій къ семейству камбалъ, считается цѣннѣе трески, особенно если онъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ, и если вывѣшиваетъ болѣе 10 фунтовъ, то цѣнится вдвое и втрое дороже трески. Палтусы бываютъ иногда по 14 пудовъ вѣсомъ и,—что составляетъ главное ихъ достоинство,—увеличиваются при этомъ не столько въ длину, сколько въ объемѣ,

представляя изъ себя овальный, необыкновенно мясистый цилиндръ. Въ настоящее время правильнаго лова палтуса не существуетъ на Мурманскомъ берегу: онъ попадаетъ случайно и въ незначительномъ количествѣ при ловѣ трески. Особенныя условія лова палтусовъ заключаются въ томъ, что они въ извѣстное время, но несовпадающее изъ года въ годъ числами, показываются у нашихъ береговъ большими стадами. Такъ, напр., въ нынѣшнемъ году это случилось въ первыхъ числахъ іюля. Огромныя стада палтусовъ показались у сѣверной стороны Рыбачьяго полуострова, но держались отъ берега на разстояніи 30 или 40 верстъ. Такъ какъ въ это время всѣ почти промышленники перебираются на лѣтніе промыслы, т. е. на восточную сторону Мурманскаго берега, то и ловъ появившихся палтусовъ производился лишь нѣсколькими ёлами норвежцевъ-колонистовъ и ограничился самыми незначительными размѣрами. Упомянутыя породы рыбъ составляютъ предметъ какъ весенняго, такъ и лѣтняго промысловъ. Кромѣ того, лѣтомъ производятся обильные ловы сайды сѣтями. Сайда появляется у нашихъ береговъ большими стадами и весною, и лѣтомъ; присутствіе ея можно узнать по стаямъ чаекъ, которыя вьются и плаваютъ надъ мѣстомъ ея нахожденія. Стада этой рыбы бываютъ такъ многочисленны, и рыба идетъ такъ густо, что если, преслѣдуемая акулами, она бросится на поверхность воды, то чайки ходятъ по ней, какъ по твердой землѣ, поддерживая только равновѣсіе слегка расправленными крыльями и образуя сплошную, бѣлую массу въ видѣ небольшаго острова. Мнѣ нѣсколько разъ случалось быть очевидцемъ такой картины. Ловомъ сайды пренебрегаютъ на весеннемъ промыслѣ потому, что въ это время общее вниманіе сосредоточено на погрузкѣ кораблей, отправляющихся въ Петербургъ, гдѣ сайда низко цѣнится, будучи хуже на вкусъ и, главное, не такъ красива въ посолкѣ, какъ треска и палтусъ. На лѣтнемъ же промыслѣ, когда очистится отъ льдовъ Бѣлое море и начнутъ подходить корабли изъ Архангельска и Поморья, ловъ сайды доставляетъ значительныя выгоды, особенно въ послѣдніе года, такъ какъ съ начала семидесятыхъ годовъ сушеная сайда вывозится, черезъ Архангельскъ, въ вятскую губернію десятками тысячъ пудовъ.

Изъ числа промысловъ Мурманскаго берега, неимѣющихъ въ настоящее время правильной организаціи, но по выгодности своей заслуживающихъ вниманія, слѣдуетъ упомянуть объ акульемъ промыслѣ. Акулы въ большомъ изобиліи водились и водятся въ водахъ Ледовитаго океана, и въ Норвегіи ловъ ихъ составляетъ весьма

важную отрасль рыбныхъ промысловъ; у насъ же, хотя и дѣлались въ недавнее время попытки къ развитію акульяго промысла и къ устройству его на правильныхъ началахъ, но попытки эти не достигли желаемой цѣли, и ловъ акулъ сохранилъ тотъ жехъ арактеръ случайнаго и второстепеннаго занятія, какъ и прежде. Но и въ такомъ видѣ онъ сталъ извѣстенъ нашимъ поморамъ и колянамъ не дальше какъ лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, когда установились между ними и норвежцами постоянныя торговыя сношенія. По крайней мѣрѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ академикъ Озерецковскій *), коляне не имѣли понятія о выгодахъ, которыя можно было бы извлечь изъ акульяго промысла. Вотъ что по этому поводу говоритъ Озерецковскій: „Промышленники увѣряютъ, что акулы чрезвычайной величины очень часто попадаются на ярусы; *но какъ они ихъ ни на что не употребляютъ*, то съ досадою отрѣзываютъ свои уды, акулами поглощеныя, и пускаютъ ихъ въ море. По причинѣ великаго множества акулъ, никогда не кидаютъ они ярусовъ въ Кольской губѣ, хотя въ нее множество рыбъ изъ океана заходитъ; но какъ и акулы также въ великомъ числѣ за ними туда слѣдуютъ, то рыба, за крючки схватившая, была бы жертвою акулъ, а не добычею промышленниковъ". Съ того времени обстоятельства нѣсколько измѣнились; ловъ акулъ производится у нашихъ береговъ, но какъ, сказано выше, не имѣетъ еще большаго значенія. Двадцать лѣтъ тому назадъ, кольскій крестьянинъ Неронинъ сдѣлалъ первые опыты лова акулъ на шнякѣ и продолжаетъ начатое дѣло по настоящее время. Такой способъ лова сопряженъ съ постоянными опасностями, такъ какъ самые обильные уловы этой рыбы бываютъ въ темныя октябрскія и ноябрскія ночи, когда акулы ближе подходятъ къ берегамъ, а эти мѣсяцы бываютъ на океанѣ самые бурные. Надо обладать неустрашимостью и присутствіемъ духа нашихъ сѣверныхъ рыбопромышленниковъ, чтобы рѣшиться на подобныя предпріятія. По примѣру Неронина стали заниматься этимъ промысломъ и другіе, а въ шестидесятыхъ годахъ была выдана правительствомъ, по ходатайству д. с. с. Данилевскаго, ссуда, въ размѣрѣ 600 руб., кольскому мѣщанину Сулю, норвежцу по происхожденію. Суль пріобрѣлъ ёлу, обзавелся необходимыми принадлежностями акульяго лова, какъ то: особеннаго устройства удами и бочками для сохраненія акульей печенки (максы) и принялся за промыселъ. Первое время дѣло шло

*) «Описаніе Колы и Астрахани». Спб., 1804 г., стр. 23.

чрезвычайно удачно. Кромѣ Суля, акульимъ промысломъ занимались коляне и поморы: Неронинъ, Шабунинъ, Иконниковъ и Шадринъ. Въ 1862 году на Мурманскомъ берегу, преимущественно въ Кольской губѣ, добыто было до 5,000 пудовъ акульей печенки (максы), стоимостью отъ 1 р. 30 коп. до 1 р. 50 к. за пудъ; въ 1865 году Суль одинъ напромышлялъ 1,100 пудовъ максы, а въ 1867 году, желая расширить свои операціи, вступилъ въ товарищество съ Неронинымъ и обзавелся нѣсколькими ёлами. Но въ этомъ же году бурею разбило всѣ промысловыя суда его съ грузомъ, и онъ самъ едва спасся отъ смерти. Не смотря на такое несчастіе, Суль выплатилъ вполнѣ выданную ему ссуду, а теперь не имѣетъ средствъ снова обзавестись необходимыми принадлежностями акульнаго лова и ходатайствуетъ о выдачѣ ему вновь ссуды, въ размѣрѣ 3,000 р., съ отсрочкою платежа на три года, а по прошествіи этого времени—съ разсрочкою на семь лѣтъ. Съ подобнымъ ходатайствомъ обратился ко мнѣ и Неронинъ. Разсчетъ, на которомъ основанъ размѣръ испрашиваемой ссуды, слѣдующій: отъ 1200 р. до 1500 р. будетъ стоить новое судно (клиперъ), приспособленное для дальнихъ выходовъ въ океанъ; бочки и рыболовная снасть обойдутся примѣрно въ 500 р., а остальная тысяча рублей пойдетъ на заготовленіе провіанта и задатки рабочимъ. Въ настоящее время хотя и продолжается ловъ акулъ у нашихъ Лапландскихъ береговъ, но имъ занимаются, кромѣ Неронина, одни только колонисты—норвежцы и въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, а именно: въ 1872 году ими добыто 500 пуд. максы, въ 1873 г.—175 пуд., а въ 1874 г.—150 пудъ, тогда какъ въ этомъ послѣднемъ году одинъ Неронинъ, на своей шнякѣ, добылъ до 220 пудовъ. Правда, что Неронинъ ходилъ по океану отъ Кольской губы до входа въ Бѣлое море и въ этомъ году едва не умеръ съ голоду, такъ какъ противные вѣтра́ и бури продержали его въ морѣ долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и весь запасъ хлѣба истощился; только то обстоятельство, что на берегу, близъ котораго онъ плавалъ, находился общественный хлѣбный магазинъ, и спасло его и его товарищей. Въ нынѣшнемъ году, весною, въ Кольской губѣ и ближайшихъ къ ней заливахъ появилось такое множество акулъ, что жители колоніи Уры застрѣлили нѣсколько штукъ, съ берега, изъ ружей.

Употребляемая на Мурманскомъ берегу акулья снасть состоитъ изъ обыкновенной уды, бо́льшихъ размѣровъ, нежели та, на которую ловятъ треску, и имѣющей на концѣ лесы желѣзную цѣпь, длиною около полутора сажени, къ которой прикрѣпленъ крючокъ,

наживленный жаренымъ тюленьимъ саломъ. Лѣтомъ большія акулы стоятъ верстъ за 150 и 200 отъ берега, осенью же и зимою подходятъ ближе и останавливаются на отмеляхъ, куда за ними и выѣзжаютъ промышленники. Когда акула попадаетъ на крючекъ, ее вытягиваютъ на поверхность воды посредствомъ небольшаго ворота, устроеннаго на промысловомъ суднѣ, убиваютъ ударомъ по головѣ, и, вынувъ максу, а иногда снявъ и кожу, остальное бросаютъ въ воду.

О звѣриномъ и китобойномъ промыслахъ мнѣ не представилось возможности собрать подробныя свѣдѣнія, такъ какъ ни тотъ, ни другой не производятся на Мурманскомъ берегу, хотя число китовъ и особаго вида тюленей, извѣстнаго подъ названіемъ кожи или лысуна, довольно значительно. Киты круглый годъ плаваютъ у сѣверныхъ береговъ Норвегіи и Лапландіи; лысуны же появляются стадами періодически и наносятъ большой ущербъ рыбопромышленникамъ, преслѣдуя рыбу и разгоняя ее. Такъ въ нынѣшнемъ году въ половинѣ іюня, пришли съ восточнаго берега въ Цыпъ-наволокъ нѣсколько промышленниковъ для закупки хлѣба и принесли страшную вѣсть о появленіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, кожи. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней то же подтвердили и рыболовы, промышлявшіе изъ становища на Цыпъ-наволокѣ, и поэтому почти на цѣлую недѣлю пріостановился ловъ рыбы. Къ счастію, кожа вскорѣ отошла отъ береговъ, и рыбный промыселъ продолжался по прежнему. То обстоятельство, что этимъ появленіемъ морскихъ звѣрей никто не воспользовался, объясняется отсутствіемъ въ это время сбыта для доставляемыхъ ими продуктовъ, т. е. сала и шкуръ, ибо находящіеся тутъ корабли заняты исключительно погрузкою наибольшаго количества рыбы, для отвоза въ Петербургъ. Со временемъ же, при облегченіи сообщеній развитіемъ пароходства, вѣроятно и на Мурманскомъ берегу привьется звѣриный промыселъ.

Что же касается боя китовъ, то осуществленіе этого промысла въ нашихъ сѣверныхъ водахъ, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени съ выгодою, подлежитъ большому сомнѣнію. Вопросъ о томъ, возможно ли китоловство на Мурманскомъ берегу, былъ возбужденъ академикомъ Бэромъ и д. с. с. Данилевскимъ, и какъ тотъ, такъ и другой разрѣшили его въ отрицательномъ смыслѣ по той причинѣ, что сѣверные киты, вслѣдствіе своей величины и силы, дѣлаютъ охоту за ними слишкомъ опасною, а процентъ содержащагося въ нихъ сала не довольно значителенъ, чтобы оку-

пать издержки и покрывать рискъ лова. Въ подтвержденіе этого мнѣнія, Данилевскій приводитъ исторію нашихъ китобойныхъ промысловъ и указываетъ на неудачи сдѣланныхъ попытокъ для ихъ развитія. Правильность такого взгляда подтверждается и примѣромъ Норвегіи, въ которой большая часть государственной и частной дѣятельности сосредоточена на океанскихъ промыслахъ и которая много насъ опередила въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ въ числѣ своихъ промышленниковъ она считаетъ только одного крупнаго китолова, именно Фойна. Но Фойнъ находится въ совершенно исключительномъ положеніи. Онъ съ молоду былъ простымъ матросомъ, судорабочимъ, и, по образу жизни, остался тѣмъ же и теперь, не смотря на довольно крупное состояніе, которое составилъ себѣ и продолжаетъ увеличивать личнымъ, неусыпнымъ трудомъ. Онъ и теперь, не взирая на преклонность лѣтъ, самъ участвуетъ въ каждомъ выходѣ своихъ пароходовъ на промыселъ и хотя пріобрѣлъ большую опытность и прекрасно обучилъ свою команду, но часто подвергаетъ жизнь свою опасностямъ.

Звѣриные промыслы, т. е. ловъ моржей, нерпъ, лысуновъ, бѣлугъ и др., производятся, въ настоящее время, осенью и зимою въ водахъ, омывающихъ Зимній и Терскій берега и Канинскій полуостровъ, а весною и лѣтомъ—на Новой Землѣ. Эти послѣдніе промыслы доставляютъ самые обильные уловы, но, къ сожалѣнію, ими больше пользуются норвежцы, нежели наши поморы, неимѣющіе возможности своевременно выходить изъ Бѣлаго моря, по причинѣ поздняго вскрытія его. Поэтому наши новоземельскіе промыслы стоятъ еще на низкой степени развитія, что доказывается, между прочимъ, числомъ поморскихъ судовъ, ежегодно приходящихъ съ Новой Земли въ Архангельскъ. За послѣднія двадцать лѣтъ число ихъ колебалось между 1 и 8 и только въ 1868 году достигло до 9, а въ 1865 году—до 13. Хотя приводимыя цифры относятся только до архангельскаго порта, но какъ ко времени окончанія новоземельскихъ промысловъ заходятъ въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, и суда всѣхъ приморскихъ городовъ и поселеній, то можно принять, что вышеупомянутыми цифрами ограничивается число судовъ, промышляющихъ на Новой Землѣ.

Общій очеркъ поселеній Мурманскаго берега. Поселенія Мурманскаго берега, т. е. всей при-океанской полосы Лапландіи, отъ норвежской границы до мыса Св. Носа, можно подраздѣлить на три категоріи: становища, колоніи и факторіи.

Становища состоятъ изъ небольшихъ избушекъ (становъ), по-

строенныхъ на скорую руку изъ половинчатыхъ бревенъ, иногда просто изъ горбылей, крытыхъ по жердямъ дерномъ, въ рѣдкихъ случаяхъ—тесомъ, и служащихъ пристанищемъ для крестьянъ-промышленниковъ во время пребыванія ихъ на Мурманскомъ берегу. По окончаніи промысла двери и окна заколачиваются, и станы оставляются безъ всякаго призора на осень и зиму. Мнѣ приходилось слышать частыя жалобы отъ промышленниковъ на плавающихъ у нашихъ береговъ норвежцевъ, которые раззоряютъ печи въ станахъ и увозятъ кирпичъ. При-этомъ промышленники заявляли, что колонисты, постоянно живущіе тутъ, будучи по большей части сами изъ норвежцевъ, не оказываютъ въ подобныхъ случаяхъ никакого противодѣйствія, а иногда и помогаютъ своимъ единоплеменникамъ. Неудобство этихъ помѣщеній меня поразило; они сыры, холодны, тѣсны, темны и дымны. Отъ десяти до двадцати человѣкъ помѣщаются часто на пространствѣ четырехъ или шести квадратныхъ саженъ и, въ случаѣ непогоды, живутъ въ этихъ избахъ понедѣльно, почти безвыходно. Врачъ, посѣтившій въ нынѣшнемъ году Мурманскій берегъ, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ, обратилъ вниманіе на вредъ, наносимый здоровью промышленниковъ подобными помѣщеніями и, вѣроятно, не замедлитъ представить соображенія о возможномъ улучшеніи ихъ.

Колоніи составляютъ постоянныя поселенія Мурманскаго берега и образуютъ изъ себя отдѣльную колонистскую волость. Колонисты пользуются Высочайше дарованными, 22 ноября 1868 г., мурманскимъ переселенцамъ льготами въ отношеніи привоза и торговли иностранными товарами и отбыванія натуральныхъ повинностей, а равно имѣютъ право на полученіе правительственныхъ субсидій. Большинство колонистовъ, до послѣдняго времени, были норвежскіе и финляндскіе переселенцы и лишь въ началѣ семидесятыхъ годовъ многіе изъ кольскихъ мѣщанъ стали записываться въ колонисты.

Факторіи считаются не поселеніями, а лишь промысловыми заведеніями. Фактористы пользуются тѣми же льготами, какъ и колонисты, но не составляютъ постояннаго населенія и не приписаны къ колонистской волости. Фактористы суть крупные рыбопромышленники, ведущіе торговлю рыбою съ Петербургомъ. При каждой факторіи и у большинства зажиточныхъ колонистовъ находится лавка, съ продажею всего потребляемаго поморскими, кольскими и норвежскими промышленниками. Тутъ можно найти: шерстяныя и бумажныя матеріи для платья, сукно, готовую одежду, на-

рупину, снасти, свѣчи, посуду, хлѣбъ въ мукѣ и печеный, крупу, гвозди и т. под., наконецъ приправленный, главнѣйше жженымъ сахаромъ и каэнскимъ перцомъ, спиртъ подъ названіемъ рома и низшіе сорта шипучихъ рейнскихъ винъ, подъ названіемъ шампанскаго.

Устройство факторій на Мурманскомъ берегу. Высочайше разрѣшено слѣдующимъ лицамъ:

1) Датскому генеральному консулу и с.-петербургскому 1 гильдіи купцу Паллизену въ Корабельной бухтѣ, на восточной сторонѣ Рыбачьяго полуострова—30 іюня 1869 года.

2) Крестьянину кемскаго уѣзда, Керетской волости, Савину въ становищѣ Шельпиныхъ, на восточной сторонѣ Мурманскаго берега—23 сентября 1872 года.

3) Потомственному почетному гражданину, московскому 1 гильдіи купцу Смолину, въ Цыпъ-Наволокѣ, на сѣверовосточной оконечности Рыбачьяго полуострова—28 сентября 1873 года.

4) Ему же, въ колоніи Еретикахъ, западнѣе Кольской губы — 24 января 1875 года

и 5) Сумскому (кемскаго уѣзда) 2 гильдіи купцу Воронину, въ колоніи Териберкѣ, восточнѣе о-ва Кильдина — 12 сентября 1874 года.

Къ устройству послѣднихъ двухъ факторій еще не приступлено, такъ какъ отводъ участковъ произведенъ лишь въ іюлѣ настоящаго года.

По характеру промысловъ всѣ поселенія Мурманскаго берега раздѣляются на восточныя и западныя. Первыя расположены отъ Св. Носа до о-ва Кильдина, вторыя—отъ Кольской губы, по Рыбачьему полуострову, до норвежской границы. Различіе между ними обусловливается тѣмъ, что на восточной сторонѣ Мурманскаго берега самые обильные уловы производятся лѣтомъ, на западной же сторонѣ—весною. Сообразно съ этимъ и большинство промышленниковъ начинаетъ въ мартѣ ловъ въ весенпихъ становищахъ Рыбачьяго полуострова и продолжаютъ его тутъ до конца іюня; затѣмъ переходятъ на восточный берегъ, гдѣ весною промыслы не значительны, а принимаютъ обширные размѣры въ іюлѣ и августѣ,—или продолжаютъ промыселъ на западной же сторонѣ въ тѣхъ становищахъ, гдѣ таковой бываетъ и весною, и лѣтомъ. Такимъ образомъ Рыбачій полуостровъ особенно оживленъ весною. Въ это время у его береговъ стоятъ корабли рыботорговцевъ, снабжающихъ Петербургъ рыбою сѣвернаго океана. Этимъ путемъ идетъ

въ столицу по преимуществу соленая рыба; сушеная отвозится зимою, гужемъ, вяленая же хотя отправляется водою, но она приготовляется въ очень ограниченномъ количествѣ.

Около Петрова дня (29 іюня) весеннія становища Рыбачьяго полуострова пустѣютъ: корабли, нагрузившись, отплываютъ въ Петербургъ, поморы перебираются въ лѣтнія становища, а коляне, по издавна установившемуся обычаю, уходятъ въ Колу повидаться съ семействами и тамъ отпраздновать этотъ день. Такъ какъ въ это же время начинаются и сѣнокосы, то коляне по большей части уже не возвращаются на океанъ, а занимаются частью домашнимъ хозяйствомъ, частью ловомъ семги въ Кольской губѣ. Къ концу іюня и началу іюля кончается поставка рыбы на Петербургъ и начинается заготовка ея для Архангельска. Бѣлое море очищается отъ льдовъ позднѣе Балтійскаго, а именно около первыхъ чиселъ іюня; вотъ почему петербургскіе корабли берутъ грузъ рыбы въ весеннихъ становищахъ, а архангельскіе—въ лѣтнихъ. По вскрытіи Бѣлаго моря поморскія, архангельскія и другихъ побережныхъ мѣстностей суда идутъ въ Норвегію, по преимуществу съ грузомъ хлѣба, а иногда съ тесомъ, смолою, канатами и т. п. Тѣ изъ хозяевъ этихъ товаровъ, которые не имѣютъ собственнаго капитала, а ведутъ дѣла въ кредитъ, часть своего груза продаютъ въ Норвегіи на наличныя деньги, а часть промѣниваютъ тамъ на свѣжую рыбу, которую, посоливъ, везутъ на продажу въ Архангельскъ. Капиталисты же, привезя въ Норвегію помянутые предметы, продаютъ ихъ на вексель, съ уплатою черезъ 6 или 9 мѣсяцевъ. Продавъ свой товаръ они идутъ, порожнякомъ или съ грузомъ соли, въ лѣтнія становища Мурманскаго берега, куда приходятъ въ половинѣ или въ концѣ іюля и грузятся сушеною, соленою и свѣжею рыбою, причемъ послѣднюю солятъ въ трюмѣ, и идутъ въ Архангельскъ къ маргаритинской ярмаркѣ, бывающей въ половинѣ сентября. Въ связи съ этими особенностями весенняго и лѣтняго промысловъ находится и нѣкоторая разница въ приготовленіи весенней и лѣтней рыбы. Первая, предназначаясь для Петербурга и подвергаясь долгому плаванію [1]), отличается красотою раздѣлки и прочностью посолки; вторая же приготовляется не такъ чисто и

[1]) Въ 1874 году корабль купца Смолина пришелъ съ Мурманскаго берега въ Петербургъ въ 22 дня; но подобный случай совершенно исключи-

солится менѣе прочно, а на половину сушеной рыбы идетъ сайда, которая, какъ выше уже замѣчено, не имѣетъ сбыта въ Петербургѣ. Цѣны на рыбу весною и лѣтомъ также значительно разнятся между собою, — лѣтняя цѣна выше весенней. Изъ приведенной таблицы видно, что напр. въ прошедшемъ году пудъ свѣжей трески стоилъ отъ 40 до 55 коп., причемъ послѣдняя цифра представляетъ цѣну, существовавшую къ концу іюня. Въ томъ же году цѣна эта возвысилась въ іюлѣ до 60 и 65 коп., затѣмъ въ началѣ августа до 70 коп., а къ концу августа дошла до 75 коп. Такое повышеніе цѣнъ объясняется: а) присутствіемъ на лѣтнихъ промыслахъ бо́льшаго числа судовъ, между которыми является соперничество; б) близостью Архангельска, какъ рынка для сбыта товара, что уменьшаетъ издержки провоза: кораблевладѣльцы считаютъ фрахтъ рыбы съ Мурманскаго берега до Петербурга въ 25 коп. съ пуда, а до Архангельска—въ 8 или 10 коп., и в) значительно меньшимъ количествомъ соли, необходимой для сохраненія рыбы и потому значительно меньшею потерею вѣса отъ утечки. Такъ какъ соль, сильно впитывая въ себя всю влагу изъ рыбы, сама быстро сырѣетъ, то насыщенныя частицы ея стекаютъ внизъ; отъ такой утраты рыба, пришедшая въ Петербургъ, теряетъ въ своемъ вѣсѣ около 20% того количества, которое было погружено на мѣстѣ промысла. Пришедши же въ Архангельскъ, эта потеря едва ли превышаетъ 15%. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ послѣдніе три года увеличились промыслы западной стороны Мурманскаго берега, тогда какъ на восточной сторонѣ движеніе это было обратное. Такъ, по свѣдѣніямъ кольскаго полицейскаго управленія количество рыбы, добытой промышленниками западныхъ становищъ и колоній, простиралось: въ 1872 г. до—195,000 пудовъ, а въ 1874 году—до 232,000 пудовъ; по восточной же сторонѣ въ 1872 г. было добыто около 270,000 пудовъ, а въ 1874 г.—только до 175,000 пудовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ проведеніемъ вятско-двинской желѣзной дороги поднимутся и разовьются наши океанскіе промыслы; но въ наибольшей степени это отзовется благотворно на восточной части Мурманскаго берега, потому что откроетъ тамошнимъ промысламъ сбытъ въ сѣверовосточныя губерніи. На значеніе этой дороги для нашего сѣвернаго побережья уже обращено вниманіе учрежденной при министерствѣ финансовъ коммиссіи для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края.

тельный; обыкновенно корабли совершаютъ этотъ рейсъ въ теченіе одного или полутора мѣсяцевъ и долѣе.

Описаніе существующихъ на Мурманскомъ берегу становищъ, колоній и постоянныхъ заведеній (факторій). При выходѣ изъ Бѣлаго моря въ океанъ расположено становище *Лумбовскій погостъ*; около 70 верстъ отъ него, огибая мысъ Св. Носъ, находится становище *Іоканскій погостъ*, а въ 60 верстахъ отъ сего послѣдняго становище *Дальній Семи-островскій погостъ*. Всѣ эти три становища не представляютъ интереса въ промышленномъ отношеніи. Они состоятъ изъ нѣсколькихъ вежъ [1]), принадлежащихъ лопарямъ, которые приходятъ сюда лѣтомъ на промыселъ. Затѣмъ, на разстояніи 33 верстъ моремъ, расположены становища безъ избъ: *Круглое*, *Корабельная* и *Полютиха*, которыя не ежегодно посѣщаются промышленниками.

Въ 4 верстахъ отъ Полютихи находится довольно значительное становище *Лица*, при устьѣ рѣки того же названія. Оно состоитъ изъ 20 жилыхъ строеній, въ томъ числѣ 16 становъ, 4 лопарскихъ вежи, амбара и бани. Производимые здѣсь промыслы простираются до 20 и 25 тысячъ пудовъ трески и никшуевъ, составляющихъ до $^1/_3$ всей добычи, и обставлены выгодно въ томъ отношеніи, что мелкая рыба, употребляемая для наживки, ловится въ песчаномъ устьѣ рѣки Лицы. Здѣсь ежегодно промышляютъ до 16 поморскихъ шнякъ, по числу становъ, и на нихъ 54 человѣка, а кромѣ того сюда же прикочевываютъ 4 лопарскихъ семейства.

О времени устройства какъ этого, такъ и другихъ становищъ мнѣ не удалось собрать никакихъ положительныхъ свѣдѣній. На мои неоднократные вопросы, когда впервые стали ловить рыбу въ томъ или другомъ становищѣ, промышленники отвѣчали: „и отцы, и дѣды наши того не упомнятъ“. Надо, поэтому, полагать, что они такъ же древни, какъ и самые промыслы.

Въ 25 верстахъ отъ Лицы находится большое становище *Семиостровое*,—послѣдній пунктъ, куда заходятъ пароходы вновь организованнаго товарищества Бѣломорско-Мурманскаго срочнаго пароходства, совершая рейсы изъ Норвегіи въ Архангельскъ. Семиостровское становище состоитъ изъ 7 жилыхъ строеній поморскихъ промышленниковъ, приходящихъ сюда, ранней весною, на 28 шнякахъ, 1 избы колониста, тоже изъ поморовъ, постоянно живущаго здѣсь въ теченіе уже трехъ лѣтъ, и 25 небольшихъ строеній, служащихъ амбарами и жиротопнями. Промыслы трески и сайды да-

[1]) Вежами называются конусообразные шалаши, устроенные изъ жердей и крытые дерномъ.

ютъ отъ 15 до 20 тысячъ пудовъ рыбы; въ нынѣшнемъ же году это число будетъ вѣроятно и больше, такъ какъ уже въ половинѣ іюля тамъ находилось до 10 палубныхъ судовъ, съ грузовмѣстимостью отъ 26 до 28 тысячъ пудовъ, хозяева коихъ, архангельцы и поморы, передъ заходомъ въ становище, совершая рейсъ въ Норвегію, наводятъ обыкновенно справки о томъ, каковъ былъ промыселъ весною и чего можно ожидать къ лѣту.

15 верстъ далѣе находится незначительное русское становище *Золотое*, а въ 3 верстахъ отъ него лопарскій *ближній Семиостровскій* погостъ, отъ котораго въ 6 верстахъ при небольшихъ губахъ Барышихѣ, Шубиной и Рындѣ довольно значительное весеннее становище *Рында*, состоящее изъ 10 жилыхъ строеній и 24 службъ. Сюда собираются до 32 поморскихъ шнякъ и на нихъ до 130 промышленниковъ. Такимъ образомъ приходится круглымъ числомъ по 13 человѣкъ на каждый станъ, площадь котораго равняется 4 или 6 квадр. саженямъ, при высотѣ около $1^1/_2$ саженъ. Кромѣ того, въ Рындѣ живетъ семейство колониста, уроженца кемскаго уѣзда, поселившагося здѣсь въ 1871 году. Рындинскіе промыслы, состоящіе изъ трески и пикшуевъ, были особенно обильны въ 1872 году, когда они достигли до 40 тысячъ пудовъ рыбы; въ слѣдующіе затѣмъ года количество это умепьшилось до 15 и 10 тысячъ пудовъ.

Далѣе, въ 17 верстахъ отъ Рынды, находится становище *Трястино* съ избами поморскихъ промышленниковъ, 3 лопарскими вежами и 43 службамп. Въ этихъ строеніяхъ помѣщаются весною и лѣтомъ до 160 человѣкъ, промышляющихъ здѣсь треску и отчасти пикшуевъ и сайду и добывающихъ около 15 тысячъ пудовъ рыбы, а иногда, какъ напр. въ 1872 г., до 19 тысячъ пудовъ.

На разстояніи около 7 верстъ отъ Трястина находится становище *Щербиниха* и столько же отъ сего послѣдняго становище *Захребетное*. Каждое изъ нихъ состоитъ изъ 5 становъ, въ томъ числѣ 1 лопарской вежи въ Захребетномъ, и 10 небольшихъ амбаровъ и землянокъ. Промыслы простираются до 5 тысячъ пудовъ въ томъ и другомъ.

Засимъ идутъ послѣднія и самыя обширныя поселенія восточнаго берега: Шельпины, Гаврилова и Териберка.

Шельпины—15 верстъ моремъ отъ Захребетнаго, расположены въ губѣ, покрытой 8 островами того же названія; на одномъ изъ нихъ находятся большія постройки факторіи крестьянина кемскаго

уѣзда—Савина. Поселеніе состоитъ изъ 16 становъ, принадлежащихъ поморамъ, изъ числа которыхъ два семейства записаны въ колонисты Мурманскаго берега, и изъ 3 лопарскихъ вежъ; кромѣ того устроены 2 бани и 35 другихъ хозяйственныхъ построекъ. На промыслы, которые начинаются весною и продолжаются лѣтомъ, приходятъ до 50 шнякъ и на нихъ, считая по 4 человѣка на шняку, около 200 промышленниковъ. И здѣсь, какъ въ большинствѣ восточныхъ становищъ, промыслы уменьшились за послѣднее время. Въ 1872 году уловъ трески, палтусины, пикшуевъ и сайды простирался до 40 тысячъ пудовъ, по большей части (около 30 т. пуд.) трески; въ прошедшемъ же и нынѣшнемъ годахъ количество пойманной рыбы достигло лишь 35 т. и даже 30 т. пудовъ. При факторіи Савина имѣется продажа иностранныхъ товаровъ.

Гаврилово лежитъ въ 16 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Шельпиныхъ и расположено близъ устья р. Вороньей, изобилующаго мелкою рыбою, употребляемою для наживки. Это обстоятельство составляетъ значительное преимущество Гавриловскаго становища предъ другими, при существующемъ на Мурманскомъ берегу ярусномъ способѣ лова. Становище Гаврилово состоитъ изъ 100 слишкомъ построекъ, изъ числа которыхъ 32 жилыхъ, принадлежащихъ поморамъ-промышленникамъ, тремъ семействамъ русскихъ колонистовъ и тремъ семействамъ лопарей. Колонизація Гаврилова и Шельпиныхъ послѣдовала въ 1869 году, послѣ обнародованія закона 22 ноября 1868 года, предоставляющаго льготы колонистамъ. Изъ сравненія свѣдѣній о промыслахъ 1872 и нынѣшняго годовъ, производимыхъ въ Гавриловкѣ, можно заключить, что упадокъ ихъ за послѣднее время зависѣлъ отъ меньшаго количества рыбы, проходившей у восточнаго берега; можетъ быть въ нынѣшнемъ году это было слѣдствіемъ появленія кожи. Такое заключеніе я основываю на слѣдующихъ данныхъ: въ 1872 году контингентъ промысла состоялъ изъ 68 промысловыхъ лодокъ, добывшихъ весною и лѣтомъ до 75 т. пудовъ трески, палтусины, пикшуевъ и сайды, въ нынѣшнемъ же году количество такихъ лодокъ, по большинству шнякъ, возросло до 110, а между тѣмъ 25 палубныхъ судовъ, заходившихъ сюда за грузомъ, вывезли лишь 65 т. пудовъ рыбы.

Териберка лежитъ въ 32 верстахъ, моремъ, отъ Гаврилова и въ 110 верстахъ отъ Колы; зимнимъ же путемъ, на оленяхъ—въ 90 верстахъ отъ нея. Становище и колонія расположены по обѣ стороны устья рѣки Териберки, впадающей въ Териберскую губу,

гдѣ, также какъ въ Гавриловѣ и Лицѣ, производится ловъ наживки; въ самой же рѣкѣ водится семга и даетъ ежегодно порядочные уловы, достигающіе 500 и болѣе пудовъ. Становище и колонія заключаютъ въ себѣ 20 жилыхъ строеній крестьянъ кемскаго и онежскаго уѣздовъ и до 65 другихъ хозяйственныхъ корпусовъ, а особнякомъ отъ нихъ расположены постройки, домъ и 4 службы кемскаго мѣщанина Кононова, приписавшагося въ 1870 г. въ териберскіе колонисты. Кононовъ извѣстенъ во всемъ Поморьи своими познаніями и опытностью въ шкиперскомъ дѣлѣ, которыя онъ пріобрѣлъ частью въ одномъ изъ мѣстныхъ шкиперскихъ училищъ, а частью во время неоднократныхъ путешествій, въ качествѣ штурмана и капитана, въ Англію, Испанію и къ берегамъ Средиземнаго моря. Прочіе колонисты, въ числѣ 6 семействъ, поселились въ Териберкѣ въ 1871 году. Количество промышляющихъ тутъ шнякъ и добытой ими рыбы, преимущественно трески, было слѣдующее: въ 1872 году 63 шняки напромышляли около 51 т. пудовъ, въ нынѣшнемъ же году число промысловыхъ лодокъ увеличилось до 90, а выловленная ими рыба—приблизительно отъ 60 до 70 т. пудовъ. Первая изъ этихъ цифръ представляетъ то количество рыбы, которое, какъ завѣрялъ Кононовъ, въ бытность мою въ Териберкѣ, къ концу іюля, было уже поймано; при этомъ онъ разсчитывалъ, что оно возрастетъ къ концу лѣта до 75 т. пудовъ. Этому слѣдуетъ, мнѣ кажется, повѣрить уже потому, что въ Териберскую губу пришли и должны были прійти для нагрузки рыбою отъ 20 до 25 палубныхъ судовъ, поднимающихъ отъ 65 до 75 т. пудовъ. Терпберская губа представляетъ одну изъ самыхъ безопасныхъ бухтъ восточнаго берега, такъ какъ она защищена отъ западнаго, восточнаго и сѣверовосточнаго вѣтровъ, а частью и отъ сѣвернаго. Поэтому Териберка была всегда любимымъ пристанищемъ акульихъ промышленниковъ, выбирающихъ для стоянки мѣста, загражденныя съ востока и сѣверовостока, такъ какъ оттуда приходятъ самые сильные и продолжительные вѣтры въ этой мѣстности. Вообще будущность Териберки можетъ быть широкая съ устройствомъ въ ней факторіи, для чего купцу Воронину уже отведенъ участокъ, и съ развитіемъ на Мурманскомъ берегу акульяго промысла.

Въ тридцати верстахъ отъ Териберской губы находится о-въ *Кильдинъ*. Проливъ (салма), образуемый островомъ и материкомъ, защищенъ отъ сѣверозападныхъ, сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ вѣтровъ, вслѣдствіе чего имъ обыкновенно проходятъ небольшія

суда, какъ то: ладьи, шлюпы и раньшины, идущія по пути между Бѣлымъ моремъ и Норвегіею. Промысловъ въ настоящее время въ окрестностяхъ Кильдина не производится, за незначительнымъ количествомъ рыбы; не будь этого недостатка, Кильдинъ представлялъ бы одно изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ въ промышленномъ отношеніи, такъ какъ находящіяся на немъ небольшія озера содержатъ соленую воду, въ которой водится мелкая рыба мойва, служащая для наживки. Въ прежнее время, какъ говорятъ, на Кильдинѣ было становище Соловецкаго монастыря, но едва ли оно имѣло значеніе какъ промысловый пунктъ. Теперь тамъ нѣтъ никакихъ построекъ. Вотъ какъ отзывается о кильдинскомъ становищѣ академикъ Озерецковскій въ вышеприведенномъ сочиненіи [1]): „На всемъ островѣ нѣтъ никакого жилья, кромѣ становья соловецкихъ промышленниковъ. Оно состоитъ изъ одной только свѣтлицы...“ Дальше: „Соловецкіе промышленники въ становьѣ оном бываютъ только временно, когда проѣзжаютъ мимо Кильдина на Грумантъ [2]) или въ норвежскіе заливы и когда оттуда назадъ возвращаются; между тѣмъ служитъ оно прибѣжищемъ для всѣхъ проѣзжающихъ“.

Еретики, первое поселеніе на западной сторонѣ Мурманскаго берега, считая отъ Кольской губы, расположено на о-вѣ Шалимѣ, занимающемъ почти половину глубоко врѣзавшейся въ материкъ губы Уры. Еретики, водянымъ сообщеніемъ, находятся отъ Колы на разстояніи 80 верстъ, изъ коихъ 65 верстъ Кольскою губою, и въ 45 верстахъ отъ о-ва Кильдина. Становище состоитъ изъ 13 жилыхъ построекъ съ 25 службами; кромѣ того мѣстные колонисты, кольскіе купцы Филиповъ и Хипагинъ, имѣютъ здѣсь свои промысловыя и торговыя заведенія, въ которыхъ они проживаютъ лѣтомъ. На лѣтніе промыслы сюда собираются до 90 кольскихъ и поморскихъ шнякъ съ 360 промышленниками. Торговое заведеніе Филипова устроено въ 1869 году, а Хипагина—въ началѣ семидесятыхъ, но и до сего времени въ Еретикахъ производилась торговля хлѣбомъ и суровскими товарами кольскимъ купцомъ Базарнымъ, нынѣ умершимъ. Еретики—самая спокойная для стоянки бухта всего западнаго берега. Кромѣ промысловыхъ шнякъ, сюда ежегодно заходятъ до 5 палубныхъ судовъ для нагрузки рыбою, съ грузовмѣ-

---

[1]) Стр. 44 и слѣд.

[2]) Шпицбергенъ.

стимостью около 26 т. пудовъ; этою цифрою и выражается количество добываемой здѣсь рыбы, въ число которой входитъ до 14 т. пудовъ трески, до 6 т. пудовъ пикшуевъ и столько же, приблизительно, сайды. Въ Еретикахъ, какъ упомянуто выше, отведенъ въ нынѣшнемъ году купцу Смолину участокъ для устройства факторіи.

Внутрь губы, въ 10 верстахъ отъ Еретиковъ, находится колонія *Ура*, состоящая изъ 26 жилыхъ строеній и 30 хозяйственныхъ. Одну треть первыхъ и половину вторыхъ составляютъ землянки. По происхожденію своему урскіе колонисты состоятъ изъ семействъ: одного коляпина, пяти норвежцевъ и тридцати трехъ финляндцевъ улеоборгской губерніи. Первое поселеніе основано было здѣсь въ 1858 г., тремя семействами финляндскихъ выходцевъ, къ которымъ въ слѣдующемъ году присоединились оттуда же еще четыре семейства и одно норвежское. Значительное увеличеніе числа жетелей въ урской колоніи произошло въ 1867, 1868 и 1869 годахъ, когда въ Финляндіи былъ голодъ. Въ эти три года прибыли сюда изъ улеоборгской губерніи и зачислились въ колонисты шестнадцать семействъ. Изъ Уры есть, лѣтомъ и зимою, прямое сообщеніе съ Колою частью сухимъ путемъ, а частью Кольскою губою,—около 50 или 55 верстъ. Кромѣ того, какъ мнѣ говорили, колонисты сообщаются зимою съ Улеоборгомъ, направляясь изъ Уры въ мѣстечко Кюусано, въ Финляндіи (600 в.), а оттуда въ Улеборгъ (200 в.). Урскіе колонисты промышляютъ удебными снастями и выходятъ въ океанъ на ёлахъ, рыбу же сдаютъ на суда, находящіяся въ Еретикахъ, или солятъ и сушатъ для собственнаго употребленія. Въ Урѣ разведены огороды, гдѣ растутъ брюква, рѣпа и лукъ: другія овощи не произрастаютъ вслѣдствіе суровости климата. Въ прошедшемъ году здѣшними колонистами сдѣланъ былъ чуть ли не первый, на Мурманскомъ берегу, опытъ посѣва ячменя, и результаты оказались довольно удовлетворительные. Колонисты держатъ до 40 штукъ рогатаго скота и оленей и столько же овецъ. Но нужно замѣтить, что при всемъ томъ колонія эта не отличается порядкомъ и зажиточностью, а пьянство сильно развито между ея жителями. Въ Урѣ помѣщается волостное правленіе Мурманско-колонисткой волости.

Въ 25 верстахъ отъ Еретиковъ находится колонія *Одинцовка*—поселеніе финманскаго семейства, состоящаго изъ четырехъ человѣкъ, а далѣе въ 5 верстахъ въ губѣ Лицѣ—колонія *Лица*, заселенная двумя семействами финмановъ и четыремя семействами ко-

лянъ, изъявившихъ желаніе записаться въ мурманскіе колонисты лишь въ прошедшемъ году, но, на сколько мнѣ извѣстно, еще незачисленныхъ въ списки таковыхъ. Финманы Одинцовки и Лицы составляютъ туземное населеніе мѣстности. Оба эти становища не представляютъ интереса въ промышленномъ отношеніи.

Въ 40 верстахъ отъ Лицы въ губѣ Китовьей расположено закрытое со всѣхъ сторонъ островами и высокими скалами (пахтами) лопарское становище, состоящее изъ 8 жилыхъ становъ и 12 хозяйственныхъ построекъ. Лопари, въ числѣ 35 человѣкъ, прикочевываютъ сюда позднею весною и промышляютъ ярусомъ на тройникахъ и ёлахъ до августа. Промыслы трески и никшуевъ доставляютъ имъ иногда до 10,000 пудовъ, которые они продаютъ или, правильнѣе, отдаютъ за взятые впередъ товаръ и деньги кольскому кущу Хипагину. Объѣзжая на промысловыхъ лодкахъ и обходя пѣшкомъ, по случаю поздняго открытія рейсовъ срочнаго пароходства, поселенія Рыбачьяго полуострова, мнѣ пришлось, за непогодами, пробыть въ Китовьей губѣ около недѣли. Въ это время я убѣдился, что только развитіе на Мурманскомъ берегу самаго широкаго соперничества между капиталами можетъ вывести населеніе изъ той полной зависимости отъ крупныхъ рыбопромышленниковъ, въ которой оно нынѣ находится. Хипагинъ, единственный скупщикъ рыбы у лопарей, пользуется самымъ широкимъ произволомъ въ назначеніи цѣнъ за принимаемую отъ нихъ рыбу и продаваемые имъ товары, которые онъ привозитъ сюда на своихъ корабляхъ. Въ этомъ смыслѣ лопари почти единогласно жалуются на притѣсненія хозяина [1]); чему не трудно вѣрить, видя нищенское ихъ состояніе и, между тѣмъ, зная, что, кромѣ рыбныхъ промысловъ, они имѣютъ и посторонніе, довольно значительные доходы, такъ напр. они получаютъ ежегодно до 400 р. за содержаніе земской станціи водянаго сообщенія, ничего не затрачивая на устройство перевозныхъ лодокъ, такъ какъ возятъ на своихъ тройникахъ и ёлахъ; кромѣ того, въ нынѣшнемъ и прошедшемъ годахъ они взяли по 100 рублей въ лѣто за аренду рѣки, впадающей въ Китовью губу, съ туриста англичанина, пріѣзжавшаго на Мурманскій берегъ для уженья семги; наконецъ, значительный доходъ они получаютъ

[1]) Въ то время какъ пудъ свѣжей трески стоилъ въ Вайдѣ-губѣ, Зубовыхъ островахъ и въ Цыпъ-Наволокѣ отъ 38 до 45 к., лопари сдавали свою рыбу, яруснаго лова, по 35 и по 32 коп. за пудъ.

раннею весною, провозя промышленниковъ отъ Кандалакши до Колы и далѣе къ мѣстамъ промысловъ.

Въ 25 верстахъ отъ Китовьей губы, въ самой глубинѣ Мотковскаго залива или Мотки, на перешейкѣ, отдѣляющемъ этотъ заливъ отъ Волоковой губы, поселились два финлянца, съ семействами, непринятые обществами другихъ колонистовъ. Они промышляютъ для себя, а иногда возятъ продавать рыбу въ тѣ становища, гдѣ стоятъ корабли скупщиковъ.

Въ 30 верстахъ отъ перешейка и въ 25 верстахъ, черезъ заливъ Мотку, отъ Китовьей губы, находится усадьба зажиточнаго колониста изъ финмановъ, при устьи р. Эйны. Прекрасные луга, покрывающіе береговыя скалы, даютъ возможность держать здѣсь 5 хорошихъ коровъ и съ полсотни овецъ. Поселеніе это основано въ 1864 году. Промышляемая здѣсь рыба отвозится для продажи въ болѣе людныя становища.

18 верстъ далѣе, къ выходу въ открытый океанъ, находится небольшая бухта *Корабельная*, гдѣ стоятъ весною шкуны, ладьи и раньшины кольскихъ купцовъ, грузящихся рыбою въ Моткѣ, а въ 2 верстахъ отъ Корабельной—небольшое кольское становище *Монастырское*, состоящее изъ 6 избъ, изъ коихъ 4 жилыхъ. Весенніе промыслы, единственно здѣсь производимые, доставляютъ до 5,000 и 6,000 пудовъ рыбы.

На разстояніи 3 верстъ отъ Монастырскаго находится состоящее изъ трехъ избъ становище *Зобово* и за нимъ, на пространствѣ 12 верстъ, слѣдуетъ рядъ становищъ съ числомъ избъ отъ 1 до 4. Какъ Зубово, такъ и другія, а именно: *Гордьево*, *Симково*, *Конѝ*, *Бакланье*, *Шарапово*, *Воронье и Пузырево* принадлежатъ колянамъ, промышляющимъ здѣсь весною, въ числѣ около 100 человѣкъ на 30—35 шнякахъ, и добывающимъ отъ 10,000 до 15,000 пудовъ трески, съ незначительною частью палтусины и пикшуевъ.

Промыслы, производимые изъ поименованныхъ становищъ, а также изъ становищъ Монастырскаго и Китовьяго, обставлены нѣсколько иначе, нежели въ другихъ мѣстахъ Мурманскаго берега, что зависитъ отъ характеристической черты колянъ и, въ особенности, лопарей—осторожности. Они обыкновенно выходятъ на промыселъ въ Мотковскій заливъ, имѣющій въ самомъ широкомъ мѣстѣ не болѣе 18 верстъ отъ берега до берега, а если и пускаются въ открытый океанъ, то не отходятъ далеко отъ береговъ. Выметавъ поутру ярусъ, они къ вечеру возвращаются домой. Правда,

что уловъ при этомъ никогда не бываетъ такъ обиленъ, какъ въ при-океанскихъ становищахъ. Въ Цыпъ-Наволокѣ, Вайдѣ-губѣ, Зубовыхъ островахъ и другихъ бойкихъ мѣстахъ случается, что въ одинъ выѣздъ шняка выберетъ съ яруса отъ 150 до 200 пудовъ рыбы; въ Моткѣ же считается очень хорошимъ уловомъ 40 — 50 пудовъ на промысловую лодку. Но за то коляне и лопари, если нѣтъ задержки за наживкою, за которою ежедневно или черезъ день отряжается одна шнякa или ёла, могутъ выѣзжать каждый день и къ вечеру возвращаться; промышленникамъ же названныхъ становищъ часто приходится оставаться въ морѣ по двое сутокъ, а случается иногда и вовсе не возвращаться.

Въ 15 верстахъ отъ Пузырева находится довольно значительное кольское становище *Типаново*, состоящее изъ 10 жилыхъ и 2 хозяйственныхъ построекъ. Весною здѣсь промышляютъ до 135 человѣкъ на 33 шнякахъ. Пойманная ими рыба (треска и палтусина), достигающая до 13,000 пудовъ, сдается на корабли, стоящіе въ Корабельной губѣ, у факторіи датскаго консула Паллизена.

Единственныя историческія свѣдѣнія, которыя я могъ собрать отъ самихъ промышленниковъ о становищахъ Мурманскаго берега, относятся къ Типанову. До 1854 г. оно состояло всего изъ двухъ или трехъ становъ, принадлежавшихъ колянамъ. Въ этомъ году наши сѣверные берега подверглись блокадѣ англійской эскадры, разорившей г. Колу и прекратившей на время наши рыбные промыслы на океанѣ. Послѣ заключенія парижскаго мира коляне, вѣроятно не имѣя средствъ въ одно и тоже время отстроивать и поправлять всѣ свои становища, рѣшились соединиться въ одномъ мѣстѣ, именно въ Типановѣ, въ которомъ, общими силами, устроили до 25 становъ. Въ концѣ 50 годовъ они понемногу стали расходиться по прежнимъ становищамъ и значительная часть ихъ перешла изъ Типанова въ Цыпъ-Наволокъ.

Неподалеку отъ Типанова, моремъ $1^1/_2$ версты, а сухимъ путемъ 3, внутри небольшой губы Корабельной, находится факторія Паллизена, значительнѣйшая на всемъ Мурманскомъ берегу, по прекраснымъ хозяйственнымъ сооруженіямъ, какъ-то: пристани (брюги) [1]) двумъ большимъ амбарамъ и двухъ-этажному дому для жилья. Въ промышленномъ же отношеніи факторія Корабельная, называемая, въ отличіе отъ бухтъ того же имени въ Мотковскомъ заливѣ и на восточномъ берегу, Большою Корабельною, едва ли имѣетъ большую будущность. Выборъ мѣста не совсѣмъ удаченъ, такъ

какъ оно удалено отъ сѣвернаго берега Рыбачьяго полуострова, самаго бойкаго по своимъ промысламъ, а между тѣмъ, находясь при открытомъ океанѣ, не соединяетъ въ себѣ тѣхъ условій безопасности, которыя привлекаютъ въ заливъ Мотку колянъ и лопарей. Значеніе Большой Корабельной, такъ сказать, историческое. Паллизенъ былъ первымъ фактористомъ, поселившимся на Мурманскомъ берегу, и, конечно, его примѣръ далъ толчекъ дальнѣйшему и теперь развивающемуся заселенію края. Кромѣ этой услуги, оказанной Паллизеномъ, его факторія приноспла большую пользу въ концѣ 60 и началѣ 70 годовъ, какъ единственный здѣсь пунктъ, сколько-нибудь благоустроенный и снабженный всѣмъ необходимымъ для жизни. Впрочемъ, со стороны благоустройства Корабельная и теперь еще остается единственнымъ явленіемъ на Мурманскомъ берегу; отсутствіе пьянства, тишина и порядокъ составляютъ полный контрастъ съ сосѣднею факторіею Смолина въ Цыпъ-Наволокѣ, гдѣ близость промысловаго становища и довольно широкая торговля ромомъ, воспрещенная Паллизеномъ въ своей факторіи, а тутъ производящаяся свободно въ заведеніяхъ Смолина и норвежцевъ-колонистовъ, развиваютъ грязь, безпорядокъ и пьянство.

Управляющій факторіею Паллизена говорилъ мнѣ, что ему поручено продать ее, и въ нынѣшнемъ году началась уже продажа движимости.

Такъ какъ въ Большой Корабельной нѣтъ становища, то приходящіе въ нее корабли грузятся рыбою, привозимою изъ другихъ становищъ, какъ напр. изъ Типанова и Цыпъ-Наволока. Въ нынѣшнемъ году, во время весенняго промысла, у факторіи Паллизена стояло 6 палубныхъ судовъ съ грузовмѣстимостью въ 40,000 пудовъ. Но эта цифра не представляетъ количества рыбы, доставляемой промышленниками въ Корабельную, такъ какъ самое большое изъ упомянутыхъ судовъ, шкуна Паллизена, взяла полный грузъ рыбы (до 22,000 пудовъ) въ Зубовыхъ островахъ, а другія два ходили догружаться въ становища Мотковскаго залива. Такимъ образомъ вполнѣ нагрузились въ Корабельной три судна, что, вмѣстѣ съ неполнымъ грузомъ двухъ другихъ, составитъ приблизительно 15,000 пудовъ рыбы. Этою цифрою и выражается промысловый оборотъ Большой Корабельной.

Названіе *Цыпъ-Наволокъ* носитъ коса, выдающаяся въ океанъ

---

[1]) Brücke.

отъ сѣверовосточнаго угла Рыбачьяго полуострова. Моремъ она находится въ $3^1/_2$, а сухимъ путемъ въ 5 верстахъ отъ мыса Сергѣева-Наволока, на которомъ стоитъ факторія Паллизена. Собственно же колонія и становище, расположенныя по берегу бухты, образуемой Цыпъ-Наволокомъ и Аннкіевою губою, называется *Подъ-шеей*. Колонія состоитъ изъ 13 жилыхъ построекъ, въ числѣ коихъ находятся два довольно большія деревянныя зданія и три землянки, и изъ 13 хозяйственныхъ. Первое поселеніе колонистовъ, норвежцевъ по происхожденію, послѣдовало въ 1868 г. и состояло изъ одного семейства, перебравшагося сюда изъ колоніи Уры. Въ 1869 году поселился здѣсь, съ своимъ семействомъ, и другой колонистъ. Въ настоящее время число ихъ возросло до 19 человѣкъ мужскаго и 12 женскаго пола. Становище Подъ-шеей состоитъ изъ 30 жилыхъ и 10 хозяйственныхъ построекъ, принадлежащихъ колянамъ и поморамъ, приходящимъ сюда на весенніе промыслы въ числѣ до 575 человѣкъ на 140 шнякахъ. Около 20 мая сюда приходятъ промышлять до 30 ёлъ, принадлежащихъ большею часью норвежскимъ подданнымъ. Факторія Смолина состоитъ изъ краснваго дома для жилья, 2 большихъ амбаровъ, казармы, отдаваемой въ наймы промышленникамъ, и 4 меньшихъ хозяйственныхъ построекъ. Факторія находится на основаніи цыпъ-наволокской косы; далѣе, на выдававшейся ея части, построенъ большой салотопенный заводъ Паллизена, при которомъ устроена прекрасная пристань на сваяхъ. Такая же пристань идетъ и отъ амбаровъ Смолина, но въ нынѣшнемъ году на ней еще не была положена верхняя настилка. Земледѣліемъ и огородничествомъ колонисты не занимаются. Нѣкоторые изъ нихъ косятъ сѣно на имѣющихся возлѣ поселенія довольно хорошихъ лугахъ, для своихъ коровъ и овецъ. Стадо колонистовъ состоитъ изъ 20 или 25 штукъ рогатаго скота и до 50 овецъ. Главное занятіе колонистовъ заключается въ рыбномъ промыслѣ и торговлѣ. Менѣе зажиточные изъ нихъ сами ловятъ рыбу на своихъ ёлахъ и продаютъ ее на корабли торговцевъ-скупщиковъ. Двое же, а именно первые здѣшніе поселенцы, Шерштъ и Фридрихсонъ, имѣя достаточныя средства, покупаютъ рыбу у колянъ и поморовъ и свозятъ ее на своихъ шлюпкахъ въ Архангельскъ, а рыбій жиръ продаютъ въ Норвегіи, откуда привозятъ красные товары, посуду, крѣпкіе напитки и пр. для торговли на мѣстѣ, гдѣ у нихъ устроены лавки при домахъ. По свѣдѣніямъ кольскаго полицейскаго управленія, торговые обороты ихъ прости-

раются: по отвозу—на 3,200 р. и по привозу—на 2,500 р., но цифры эти, доставленныя самими колонистами, значительно уменьшены. Изъ того, что мнѣ удалось узнать стороною, Шерштъ и Фридрихсонъ вывозятъ ежегодно въ Норвегію рыбьяго жира и сухихъ тресковыхъ головъ на сумму около 12,000 руб. и на такую же почти сумму привозятъ оттуда товаровъ. Съ прошедшаго года въ Цыпъ-Наволокѣ открыта лавка при факторіи Смолина. Въ ней производится торговля тѣми же товарами, что и у колонистовъ, на сумму до 15,000 рублей.

Во время весеннихъ промысловъ, съ конца марта по конецъ іюня и даже до половины іюля, мѣстность у Цыпъ-Наволока чрезвычайно оживлена. Кромѣ 170 промысловыхъ лодокъ, здѣсь, въ нынѣшнемъ году, стояли 4 корабля разныхъ вооруженій, на 95,000 пудовъ, 23 болѣе мелкихъ палубныхъ судна, съ грузовмѣстимостью отъ 1,500 до 8,000 пудовъ,—въ общей же сложности на 67,000 пудовъ, и два шлюпа мѣстныхъ колонистовъ, на 1,500 пудовъ каждый. Большая часть этихъ судовъ грузилась рыбою. Затѣмъ, по окончаніи весеннихъ промысловъ, въ Цыпъ-Наволокъ приходили въ первой половинѣ іюля 5 судовъ архангельскихъ и поморскихъ торговцевъ съ грузомъ теса, бревенъ, картофеля и хлѣба, для продажи привезеннаго товара колонистамъ и на факторію Смолина и для покупки съ его кораблей привезенной изъ Англіи соли. Суда эти, будучи небольшихъ размѣровъ, поднимали, всѣ вмѣстѣ, до 10,000 или 12,000 пудовъ. Не имѣя надежныхъ якорныхъ снастей, они, въ случаѣ непогоды, заходили за Аникіевы острова и тамъ отстаивались, а затѣмъ, покончивъ свои дѣла, везли оставшійся грузъ въ Норвегію для промѣна на рыбу. Я упоминаю лишь о 5 судахъ, приходившихъ до 18 іюля, такъ какъ это случилось въ мою бытность въ Подъ-шеей; по словамъ же мѣстныхъ жителей число ихъ бываетъ и больше.

Въ 4 верстахъ на западъ отъ Цыпъ-Наволока, въ *Лазышевой губѣ* поселился, въ 1870 году, выходитъ изъ Финляндіи съ семействомъ. Поселеніе это состоитъ изъ 3 небольшихъ построекъ и еще не зачислено въ колоніи Мурманскаго берега. Цѣль, съ которою переселенецъ прибылъ сюда, состояла въ томъ, чтобы заняться сельдянымъ промысломъ на океанѣ. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ, результаты котораго могли бы открыть новую отрасль промышленности, не удался, такъ какъ предприниматель его не нашелъ никого, кто бы согласился вступить съ нимъ въ товарищество; самъ

же онъ, по недостаточности средствъ, не могъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для лова сельдей, какъ то ёлами и неводами. Теперь онъ занимается скотоводствомъ.

Въ 20 верстахъ далѣе находится большое весеннее становище и колонія *Зубовы острова*. Постройки, 18 жилыхъ и 10 хозяйственныхъ, принадлежатъ поморамъ, приходящимъ сюда въ числѣ 330 человѣкъ на 80 шпякахъ, и 7 семействамъ норвежцевъ колонистовъ, поселившихся здѣсь съ 1866 года. Нигдѣ, я думаю, промышленники не живутъ такъ тѣсно и неудобно, какъ въ Зубовыхъ островахъ. Если изъ 18 жилыхъ строеній выключить по одному на каждое колонистское семейство, то на 330 промышленниковъ останется 11 становъ, или по одному на 30 человѣкъ. Требованіе на помѣщеніе такъ сильно въ Зубовыхъ островахъ, что управляющій паллизенскою факторіею обратилъ въ станъ старое, негодное для плаванія палубное судно, вытащенное на берегъ, лишь прорубивъ съ боковъ двери, и такое жилье отдавалъ въ наймы, какъ разсказывали мнѣ промышленники, по 1 р. 50 к. съ человѣка на время промысловъ, т. е. около двухъ мѣсяцевъ: не взирая на эту довольно высокую плату, помѣщеніе въ суднѣ было немедленно занято.

Губа Зубовыхъ острововъ, будучи совершенно открыта съ сѣвера и смежныхъ странъ свѣта, представляетъ очень неудобную стоянку для кораблей. Въ нынѣшнемъ году хотя тамъ и нагрузилась шкуна Паллизена, но, во время штормовъ, она нѣсколько разъ подвергалась опасности быть выброшенной на берегъ. Обыкновенно промышленники Зубовыхъ острововъ сдаютъ всю свою рыбу въ Цыпъ-Наволокѣ и въ Большой Корабельной; въ нынѣшнемъ же году они почти исключительно приходили въ Цыпъ-Наволокъ, такъ какъ значительнѣйшая часть груза, составляющаго промысловый оборотъ Большой Корабельной, была взята въ Зубовыхъ островахъ, по нѣсколько меньшей цѣнѣ, нежели та, которую тѣ же промышленники получали въ Цыцъ-Наволокѣ [1]); вотъ причина, побудившая нагрузить паллизенскую шкуну на мѣстѣ промысла.

Уловы Цыпъ-Наволока и Зубовыхъ острововъ составляютъ бо́льшую часть рыбы, везомой, въ соленомъ видѣ, въ Петербургъ, и такъ какъ

[1]) Въ Зубовыхъ островахъ промышленники отдавали свою рыбу (треску) по 35—38 коп. за пудъ, а привезши ее въ Цыпъ-Наволокъ—по существовавшей тамъ цѣнѣ, отъ 40 до 43 коп.

потребленіе съ каждымъ годомъ увеличивается [1]), то надо полагать, что съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ развиваться и промыслы вообще весеннихъ, въ особенности же двухъ послѣднихъ становищъ. По свѣдѣніямъ кольской полиціи, количество рыбы, преимущественно трески, добытой промышленниками этихъ становищъ, было слѣдующее:

	1872 г.	1874 г.
Цыпъ-Наволокъ . . .	37.000 пуд.	50.830 пуд.
Зубовы острова . . .	650 пуд. [2])	40.000 пуд.
	37.650 пуд.	90.830 пуд.

Въ нынѣшнемъ году промыслами двухъ помянутыхъ становищъ нагрузились: 3 корабля, стоявшіе въ Цыпъ-Наволокѣ и 1 въ Зубовыхъ островахъ, всего до 101 т. пудовъ рыбы; сверхъ того, можно безъ большой ошибки принять, что остальными 25 мелкими судами, съ грузовмѣстимостью въ 70 т. пудовъ, было вывезено изъ Цыцъ-Наволока до 45 т. пудовъ рыбы, по меньшей мѣрѣ. Такимъ образомъ, промыслы становищъ Подъ-шеей и Зубовыхъ острововъ достигли уже въ нынѣшнемъ году до 145 т. или 150 т. пудовъ рыбы. Значеніе этихъ становищъ увеличивается еще и тѣмъ, что у сѣверныхъ береговъ Рыбачьяго полуострова, судя по разсказамъ мѣстныхъ жителей, рыба водится круглый годъ.

Въ 40 верстахъ отъ Зубовыхъ острововъ, на сѣверозападной оконечности Рыбачьяго полуострова, находится большое становище и колонія *Вайда-губа*, состоящія изъ 25 жилыхъ и до 75 хозяйственныхъ построекъ. Норвежцы и финляндцы, колонисты Вайды-губы, поселились здѣсь разновременно: первые въ 1860, 1865 и 1868 годахъ, вторые—въ 1868 и 1869 годахъ. Хозяйство ихъ находится на болѣе высокой ступени, чѣмъ въ Цыпъ-Наволокѣ; у вайда-губскихъ колонистовъ разведены огороды, съ тѣми же овощами какъ и въ губѣ Урѣ. Главное занятіе ихъ заключается въ рыбномъ промыслѣ и торговлѣ. Послѣдняя сосредоточена въ рукахъ зажиточнаго колониста Юля, норвежца по происхожденію, имѣющаго при своемъ домѣ лавку съ продажею тѣхъ же товаровъ, что и у колонистовъ Цыпъ-Наволока. По отзывамъ мѣстныхъ жите-

[1]) Въ прошедшемъ году соленая треска продавалась уже въ мелочныхъ лавкахъ.

[2]) Можно вѣрить, что промыслы въ 1872 г. были незначительны въ Зубовыхъ островахъ, потому что тамъ стояли только 3 шняки, а изъ построекъ, кромѣ колонистскихъ, лишь 2 стана, но все-таки эта цифра (650 пудовъ) вѣроятно менѣе противъ дѣйствительной.

лей, торговые обороты Юля простираются до 25 т. р. по отвозу въ Норвегію рыбьяго жира и сушёныхъ рыбьихъ головъ и до 15 т. р. по привозу оттуда разныхъ товаровъ. Весною и лѣтомъ здѣсь промышляютъ до 60 поморскихъ шнякъ, до 30 норвежскихъ ёлъ и 10 ёлъ мѣстныхъ колонистовъ. Число вылавливаемой здѣсь рыбы полицейское управленіе, по свѣдѣніямъ за 1874 годъ, считаетъ въ $22^1/_2$ т. пудовъ, въ томъ числѣ 8 т. пудовъ сайды, остальное трески и, въ незначительной степени, палтусины. Но или эти цифры ниже дѣйствительности, или въ нынѣшнемъ году промыслы обильнѣе. Въ концѣ іюня здѣсь стояли 5 палубныхъ судовъ, поднимавшихъ, въ общей сложности, до 30 т. пудовъ; къ сказанному времени они были почти съ полнымъ грузомъ рыбы и готовились идти въ Архангельскъ, а между тѣмъ тогда еще не начинались лѣтніе промыслы, на которые приходятъ суда, возвращающіяся изъ Норвегіи. Поэтому, промысловый оборотъ Вайды-губы за нынѣшній годъ можно принять до 40 т. пудовъ рыбы. Вайда-губа справедливо считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ, по уловамъ рыбы, становищъ Рыбачьяго полуострова. Цыпъ-Наволоку она уступаетъ только тѣмъ, что представляетъ слишкомъ безпокойную стоянку для палубныхъ судовъ, къ тому же и число ихъ не можетъ быть здѣсь велико, такъ какъ якорное мѣсто недостаточно обширно. Условіе, благодаря которому вайда-губскіе промыслы бываютъ обильны, именно положеніе на выдавшейся въ океанъ и къ сѣверу мѣстности полуострова, дѣлаетъ эти промыслы наиболѣе опасными. Не смотря на то, Вайда-губа составляетъ излюбленное становище поморовъ и въ особенности онежанъ [1]),—бароновъ, какъ ихъ прозвали другіе промышленники, за надменную осанку.

Въ 13 верстахъ моремъ и въ 8 верстахъ сухимъ путемъ отъ Вайды-губы ,находится небольшая колонія *Червяная* съ населеніемъ, состоящимъ изъ 1 норвежскаго и 7 финляндскихъ семействъ. Небольшое хозяйство колонистовъ заключается въ огородничествѣ, скотоводствѣ и рыбныхъ промыслахъ. Всѣхъ построекъ въ Червяной до 12, изъ коихъ 7 землянокъ. Первыми поселенцами были финляндцы, перешедшіе сюда 7 лѣтъ тому назадъ изъ колоніи Земляной.

На противуположной сторонѣ большой Волоковой губы, въ 7 или 8 верстахъ отъ Червяной, расположена большая колонія *Земляния*,

[1]) Жители онежскаго уѣзда.

состоящая изъ двухъ поселеній, на разстояніи $1^1/_2$ верстъ одно отъ другаго, вмѣщающихъ въ себѣ до 50 жилыхъ строеній и до 70 хозяйственныхъ. Названіе колоніи происходитъ отъ того, что значительное большинство построекъ—землянки. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ числительность населенія опредѣляется въ 53 души мужск. и женск. пола, но въ дѣйствительности жителей въ Земляной больше; разница же происходитъ отъ того, что здѣсь, какъ и въ другихъ колоніяхъ, многіе поселенцы не зачислены еще въ колонисты. Первое заселеніе этой мѣстности относится къ 1859 году, когда сюда прибыло одно финляндское семейство изъ улеоборгской губерніи. Въ 1865 году колонія умножилась 3 семействами, переселившимися оттуда же; въ числѣ ихъ находился устроитель Земляной, теперешній староста Нискаленъ. Будучи человѣкомъ чрезвычайно энергичнымъ, онъ совершенно подчинилъ своему вліянію другихъ обитателей колоніи, увеличившейся прибытіемъ выходцевъ изъ Финляндіи во время голодныхъ 1867 и 1868 годовъ, и установилъ здѣсь патріархально-деспотическое управленіе. Въ видахъ процвѣтанія колоніи, Нискаленъ принималъ въ свою общину лишь тѣхъ, которые не брали денежнаго пособія отъ правительства, предоставленнаго колонистамъ закономъ 22 ноября 1868 года, и обязывались не производить въ предѣлахъ колоніи торговли крѣпкими напитками. Вліяніе Нискалена было на столько сильно, что большинство колонистовъ безпрекословно подчинилось его приговору, и только нѣсколько недовольныхъ переселилось на противуположный берегъ, положивъ основаніе колоніи Червяной. Нискаленъ дѣйствительно добился своего: зажиточность и педантичная порядливость жителей Земляной составляютъ рѣзкій контрастъ съ бѣдностью и неряшливостью прочихъ финляндскихъ поселеній Мурманскаго берега. Въ колоніи Земляной участокъ каждаго домохозяина обнесенъ изгородью съ посѣвомъ рѣпы, брюквы и лука. Стадо колонистовъ, состоящее изъ 100 слишкомъ штукъ рогатаго скота и до 150 овецъ, содержится въ прекрасномъ состояніи. Елы, на которыхъ промышляютъ колонисты, прочны и большихъ размѣровъ. Но при всемъ томъ надо замѣтить, что населеніе Земляной, состоящее все изъ финляндцевъ, чрезвычайно грубо и невѣжественно. Такъ напр. до сихъ поръ тѣ изъ нихъ, которые говорятъ порусски, составляютъ рѣдкое исключеніе, тогда какъ многіе норвежцы, поселившіеся позднѣе ихъ на Мурманскомъ берегу, если и плохо говорятъ, то почти все понимаютъ по русски. Рыбные промыслы Земляной достигли въ прошедшемъ году до 13 т. пудовъ

трески и пикшуевъ. Часть рыбы сушится и солится для собственнаго употребленія, а часть отвозится для продажи въ другія становища западной стороны.

Въ 35 верстахъ отъ Земляной находится становище *Малонѣмецкое*, состоящее изъ 15 становъ и 17 амбаровъ, принадлежащихъ жителямъ колоніи *Печенги*, лежащей внутри губы того же названія, въ 8 верстахъ отъ становищъ и въ 27 верстахъ отъ лопарскаго Печенгскаго погоста. Отъ сего послѣдняго зимнимъ путемъ идутъ два тракта: одинъ на г. Колу—150 верстъ, а другой черезъ Назрѣцкій погостъ, находящійся отъ Печенгскаго въ 95 верстахъ, на сел. Кандалакшу, у Кандалакской губы Бѣлаго моря — всего 430 верстъ. Первоначальное поселеніе въ Печенгской колоніи послѣдовало въ 1868 году и состояло изъ 2-хъ семействъ крестьянъ кемскаго уѣзда. Въ настоящее время въ составъ колоніи входятъ: 13 семействъ крестьянъ и мѣщанъ кемскаго уѣзда и 10 семействъ кареловъ, всего населенія около 80 душъ мужск. пола. Постройки колонистовъ состоятъ изъ 29 жилыхъ и 24 хозяйственныхъ корпусовъ; половина послѣднихъ—землянки. Въ колоніи Печенгѣ разведены огороды. Кромѣ того, колонисты занимаются скотоводствомъ, оленеводствомъ и рыбными промыслами, доставляющими до 6 т. пудовъ трески.

Въ 18 верстахъ отъ Малонѣмецкаго находится большое становище *Столбовое*, состоящее изъ 14 жилыхъ и 40 хозяйственныхъ построекъ, принадлежащихъ колянамъ и поморамъ, а неподалеку отъ него (около 2-хъ верстъ)—небольшое становище *Финманское*, съ 4 жилыми и 5 хозяйственными постройками, принадлежащими тѣмъ же промышленникамъ. Въ томъ и другомъ поселились въ 1866 году 2 норвежскихъ семейства, записавшіяся въ колонисты. Въ обоихъ становищахъ ежегодно промышляютъ до 200 человѣкъ на 50 шнякахъ, изъ числа которыхъ въ Финманскомъ живутъ 16 человѣкъ съ 4 шняками. Рыбные промыслы доставляютъ до 21 т. пудовъ трески и 11 т. пудовъ сайды, сбываемыхъ въ Архангельскъ на возвращающихся изъ Норвегіи архангельскихъ и поморскихъ судахъ.

Въ 10 верстахъ отъ Финманскаго находится становище и колонія *Ворьема* при устьи р. Ворьемы, составляющей границу Россіи съ Норвегіею. Становище, посѣщаемое весною и лѣтомъ колянами и поморами, въ числѣ до 65 человѣкъ на 15 шнякахъ, заключаетъ въ себѣ 8 жилыхъ и 17 хозяйственныхъ построекъ. Промыслы трески и сайды даютъ до $9^1/_2$ т. пудовъ рыбы, изъ коихъ до $3^1/_2$ т.

пудовъ сайды. Колонія состоитъ изъ 5 построекъ кольскаго крестьянина Каннуева, поселившагося здѣсь еще въ 30-хъ годахъ. Сколько мнѣ извѣстно, это было первое постоянное поселеніе на Мурманскомъ берегу. Причина, привлекшая сюда Каннуева, заключалась, какъ мнѣ разсказывали, въ томъ, что онъ разсчитывалъ на огромныя минеральныя богатства этой мѣстности. Но ограниченность ли средствъ, или недостаточность познаній въ этомъ дѣлѣ не дозволили Каннуеву произвести основательныхъ розысканій. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ мѣстнаго лѣсничаго, прекрасно изучившаго край и составившаго подробную карту Лапландіи, по всей этой части западнаго берега, начиная отъ р. Ворьемы и почти до Кольской губы, пролегаетъ довольно богатая свинцовая руда съ признаками серебра. Въ нынѣшнемъ году вайда-губскій колонистъ Юль подалъ заявленіе въ кольское полицейское управленіе о разрѣшеніи ему производить развѣдки въ упомянутой мѣстности, и если таковыя окажутся удачными, то несомнѣнно выиграютъ поселенія, расположенныя между норвежскою границею и Печенгскою губою, находящіяся теперь, вслѣдствіе своего отдаленнаго положенія отъ промышленныхъ пунктовъ, не въ цвѣтущемъ состояніи. Тогда, можетъ быть, представится серьезная необходимость перекопать одинъ изъ перешейковъ—или тотъ, который соединяетъ Рыбачій полуостровъ съ полуостровомъ Среднимъ, или же тотъ, который соединяетъ этотъ послѣдній съ материкомъ. Въ пользу перваго говоритъ бо́льшая легкость работъ, такъ какъ двухверстный клочекъ земли, отдѣляющій Большую Волоковую губу отъ Мотковскаго залива, представляетъ низменную мѣстность, покрытую болотами и озерами, какъбы указывающими на существованіе здѣсь когда-то пролива.

Объ отвозной и привозной торговлѣ на Мурманскомъ берегу. Торговля Мурманскаго берега состоитъ въ вывозѣ произведеній мѣстныхъ промысловъ и въ привозѣ предметовъ, потребляемыхъ производителями промысловъ. Повышеніе цѣнъ первыхъ и пониженіе цѣнъ вторыхъ, между которыми главную роль играетъ хлѣбъ, безъ сомнѣнія ведетъ къ благосостоянію края, а обратное движеніе—къ упадку его. Въ этомъ отношеніи 1854 годъ раздѣляетъ мурманскіе промыслы на два періода, а именно: до блокады береговъ Сѣвернаго океана и послѣ этого событія. Судя по разсказамъ старожиловъ, мурманскіе промыслы къ концу перваго періода достигли состоянія полнаго развитія и вполнѣ установились, между тѣмъ какъ теперь они только развиваются послѣ потрясенія 1854 года. Въ доказательство того, что промышленники Мурманскаго берега пользова-

лись бо́льшимъ благосостояніемъ тогда, нежели теперь, слѣдуетъ сравнить между собою цѣны, существовавшія въ теченіе этого времени на рыбу и на хлѣбъ. До крымской войны пудъ ржаной муки обходился на Мурманскомъ берегу по 45 и 50 коп.; пудъ же рыбы, т. е. свѣжей трески, промышленники продавали судохозяевамъ отъ 30 до 45 и 50 коп. Затѣмъ въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ послѣ войны постоянныхъ цѣнъ на рыбу вовсе не существовало, такъ какъ не было и постояннаго промысла; цѣна на рыбу колелась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и достигала баснословной дешевизны. Мнѣ напр. разсказывали, что въ началѣ 60-хъ годовъ въ становищѣ Териберкѣ три куля пшена, стоимостью около 25 р. каждый, были промѣнены на 2 т. пудовъ свѣжей трески, пудъ которой обошелся такимъ образомъ по $3^3/_4$ коп. Конечно это былъ случай, но вообще цѣна трески въ это время упала до 12 и даже 10 коп., а хлѣбъ возросъ до 1 р. 20 коп. и 1 р. 50 к. за пудъ. Только съ 1865 года начинается движеніе цѣнъ въ обратную сторону, т. е. повышеніе цѣны рыбы и пониженіе цѣны хлѣба, причемъ рыба дорожаетъ быстрѣе нежели, дешевѣетъ хлѣбъ, претерпѣвающій и нѣкоторыя колебанія: такъ, въ началѣ 70-хъ годовъ пудъ ржаной муки доходилъ до 1 р., а къ нынѣшнему году опять поднялся на 1 р. 10 к. и 1 р. 20 к.

Размѣры привозной торговли Мурманскаго берега весьма трудно опредѣлить съ точностью. Оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собираемымъ полиціею, нельзя придавать значенія достовѣрности, какъ уже было показано выше; а тѣ нѣкоторыя данныя, которыя мнѣ удалось узнать изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, недостаточно полны, такъ какъ за срочностью пароходныхъ рейсовъ, начавшихся лишь въ половинѣ іюля, не представлялось возможности пробыть необходимое время въ каждомъ торговомъ центрѣ Мурманскаго берега и ближе ознакомиться съ его оборотами. Приблизительныя цыфры, около которыхъ колеблется стоимость товаровъ, привозимыхъ на Мурманскій берегъ изъ заграницы, слѣдующія:

Въ Шельпиныхъ . . .	15,000	руб.
„ Териберкѣ	5,000	„
„ Еретикахъ	10,000	„
„ Большой Корабельной.	20,000	„
„ Цыпъ-Наволокѣ. . .	25,000	„
„ Вайдѣ-губѣ	15,000	„
	90,000	руб.

Главнѣйшіе предметы этой торговли составляютъ: жизненные

*

припасы, какъ чай и сахаръ; крѣпкіе напитки, т. е. спиртъ, привозимый изъ Англіи, и ромъ, привозимый изъ Норвегіи, а также незначительное количество болѣе дорогихъ винъ, привозимыхъ изъ германскихъ портовъ; красные, бумажные, шерстяные и шелковые товары, готовое платье, рыболовныя снасти, т. е. бичевки, крючки и пр. Изъ мануфактурныхъ произведеній наибольшій сбытъ имѣютъ бумажныя матеріи, привозимыя изъ Англіи или изъ Норвегіи, но все англійскаго, издѣлія и вязаныя изъ шерсти фуфайки (бузурунки), привозимыя изъ Норвегіи или сѣверной Германіи и постоянно носимыя какъ русскими, такъ и норвежскими промышленниками. Мною куплена на мѣстѣ одна бузурунка, а также взяты образчики наиболѣе употребляемыхъ тамъ бумажныхъ матерій, съ обозначеніемъ цѣнъ ихъ. По отзыву владѣльцевъ нашихъ бумаго-прядильныхъ фабрикъ, производимые на нихъ ситцы, миткали и другія матеріи отличаются отъ англійскихъ большею плотностью и нѣсколько низшею цѣною. Тоже самое говорятъ и мурманскіе промышленники, заявлявшіе мнѣ, что русскіе ситцы безъ сомнѣнія будутъ покупаться охотнѣе англійскихъ. Въ виду этого одинъ изъ пайщиковъ бѣломорско-мурманскаго срочнаго пароходства, владѣлецъ бумаго-прядильной фабрики, хочетъ въ будущемъ году сдѣлать опытъ отправки на Мурманскій берегъ небольшой партіи бумажныхъ матерій. Весьма желательно, чтобы удался этотъ первый опытъ, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, за нимъ вѣроятно послѣдуетъ расширеніе торговыхъ операцій компаніи, что принесетъ краю существенную пользу, показавъ примѣръ правильной торговли съ разумными требованіями. Такова, на сколько мнѣ извѣстно, цѣль предпринимаемой компаніею операціи. Въ настоящее же время неумѣренное стремленіе большинства лицъ, занимающихся торговлею на Мурманскомъ берегу, къ быстрой наживѣ даетъ этому занятію характеръ хищничества, а не посредничества между потребителемъ и производителемъ. Въ особенности же злоупотребляютъ отсутствіемъ соперничества норвежцы-колонисты, привыкшіе смотрѣть на свою торговлю съ нашими промышленниками, а также на поселеніе свое на Мурманскомъ берегу, лишь какъ на временное занятіе, приносящее хорошіе барыши, и какъ на переходное состояніе, по окончаніи котораго, т. е. по достиженіи своей цѣли—разбогатѣнія, они опять вернутся къ себѣ на родину.

Отвозную торговлю Мурманскаго берега, состоящую въ вывозѣ оттуда рыбы и рыбьяго жира, легче опредѣлить, хотя и тутъ представляются нѣкоторыя затрудненія, какъ напр. то, что въ вѣдомо-

стяхъ архангельской таможни не показана отдѣльно рыба мурманскаго улова отъ вымѣненной въ Норвегіи и, за послѣдніе годы, не означено, какое количество сушеной и соленой рыбы вошло въ общую массу рыбы, привезенной въ Архангельскъ. Поэтому тѣ данныя, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о добычѣ рыбы на Мурманскомъ берегу, не позволяютъ сдѣлать этого съ желаемою точностью. Имѣющіяся у меня свѣдѣнія заключаются въ слѣдующемъ:

Съ 1856 года въ Архангельскъ было привезено съ Мурманскаго берега и изъ Норвегіи нижеозначенное количество рыбы, исчисленное для ясности круглыми цифрами.

Годъ.	Пудовъ.			% отношеніе сушеной къ общей массѣ.
	Сушеной.	Соленой.	Всего.	
1856	29,000	136,000	165,000	$17^2/_3$
1857	23,500	112,000	135,500	$17^1/_3$
1858	37,000	130,000	167,000	22
1859	46,000	378,000	424,000	$10^3/_4$
1860	30,000	470,000	500,000	6
1861	39,000	325,500	364,500	$10^2/_3$
1862	39,500	257,000	296,500	$13^1/_3$
1863	36,000	263,000	299,000	12
1864	42,000	402,500	444,500	$9^1/_2$
1865	51,000	379,000	430,000	$11^3/_4$
1866	не отдѣлено		489,500	
1867	—		485,000	
1868	—		509,500	
1869	—		462,000	
1870	—		434,000	
1071	—		420,000	
1872	—		450,000	
1873	—		460,000	
1874	—		492,000	

Изъ этой таблицы видно, что съ 1859 года количество сушеной рыбы, привозимой въ Архангельскъ, въ общей сложности увеличилось, между тѣмъ какъ процентное отношеніе ея ко всей рыбѣ уменьшилось. Это безъ всякаго затрудненія объясняется еще большимъ увеличеніемъ привоза соленой рыбы. Но послѣдній фактъ допускаетъ двоякое толкованіе: или наши мурманскіе промыслы

стали обильнѣе, или въ Архангельскъ привозится больше норвежской рыбы. Мнѣ кажется болѣе основательнымъ второе предположеніе; хотя всѣ мои наблюденія приводятъ къ убѣжденію, что мурманскіе промыслы скорѣе увеличились, нежели уменьшились, но объяснить исключительно этимъ вышеуказанное явленіе значило бы допустить, что напр. въ 1859 году количество вылавливаемой нашими промышленниками рыбы внезапно возвысилось на 272%, изъ которыхъ около $^7/_8$ упадаютъ на соленую рыбу и лишь $^1/_8$ на сушеную, а для принятія такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Допустивши же значительный приливъ въ Архангельскъ норвежской рыбы съ 1859 года, не встрѣтится тѣхъ необъяснимыхъ явленій, которыя лишаютъ вѣроятія предъидущее объясненіе. Норвежская рыба доставляется къ намъ на бѣломорскихъ судахъ, вымѣнивающихъ ее преимущественно на хлѣбъ. Такою торговлею занимаются небогатые промышленники, на которыхъ бѣдствія 1854 г. отозвались вѣроятно на столько сильно, что лишь черезъ нѣсколько лѣтъ они могли оправиться и приступить къ своимъ торговымъ занятіямъ. Наша мѣновая торговля съ Норвегіею, какъ будетъ показано ниже, безпрестанно возрастала; соотвѣтственно съ этимъ, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями, находится увеличеніе количества привозимой въ Архангельскъ рыбы. То обстоятельство, что таковое увеличеніе произошло преимущественно въ привозѣ соленой рыбы, объясняется тѣмъ, что это—почти единственный видъ, въ которомъ привозится рыба, получаемая нашими торговцами обыкновенно въ свѣжемъ видѣ и солимая ими въ трюмѣ. Наконецъ, и самая разность между цыфрами 1858 и 1859 годовъ довольно близко подходитъ къ цыфрѣ, выражающей привозъ норвежской рыбы за послѣдніе 2, 3 года, если притомъ принять въ соображеніе постепенное возрастаніе привоза. Разность въ 248 т. пудовъ составляетъ въ сущности около 85% того количества рыбы, которое было взято въ Норвегіи, такъ какъ около 15% считается на утечку; свѣжей же рыбы, по такому разсчету, было вымѣнено до 290 т. пудовъ. По отзывамъ мѣстныхъ промышленниковъ, въ Норвегіи за послѣдніе года вымѣнивалось отъ 350 т. до 400 т. пудовъ свѣжей рыбы. На основаніи приведенныхъ соображеній можно пополнить пробѣлъ разсматриваемой вѣдомости, а именно опредѣлить приблизительно, сколько привозится въ Архангельскъ норвежской и мурманской рыбы, и выдѣлить ту, которая доставляется въ сушеномъ видѣ. Не будетъ большой ошибки, если принять, что привозъ рыбы этого послѣдняго приготовленія не измѣнился значи-

тельно (какъ говорятъ, нѣсколько умепьшился) противъ средней цыфры десятилѣтія съ 1856 по 1865 годъ, а именно простирается до 35 т. пудовъ. Затѣмъ, вычтя это число изъ средней цыфры всего привоза за послѣднія 10 лѣтъ (около 465 т. пуд.) и исключивъ изъ полученной цыфры 375 пуд., составляющихъ ежегодный средній привозъ норвежской рыбы, окажется, что съ Мурманскаго берега доставляется въ Архангельскъ до 55 т. пудовъ соленой и, какъ выше показано, до 35 т. пудовъ сушеной рыбы, что равняется, считая на первой 15% утечки, а на второй 75% усушки, до $204^3/_4$ тысячъ пудовъ свѣжей рыбы.

Въ Петербургъ доставляется рыба двоякимъ образомъ: соленая— на корабляхъ, грузящихся въ весеннихъ становищахъ, и сушепая— зимою, гужемъ, черезъ Кемь, Повѣнецъ и Петрозаводскъ. При описаніи становищъ я упомянулъ, что Цыпъ-Наволокъ и Зубовы острова доставляютъ для Петербурга около 100 т. пудовъ рыбы. Къ этой цыфрѣ слѣдуетъ прибавить до 20 т. пудовъ, вывозимыхъ туда же изъ Еретиковъ и Терпберки, и такимъ образомъ количество свѣжей рыбы, солимой для доставки въ Петербургъ, составитъ приблизительно 120 т. пудовъ. Однако слѣдуетъ замѣтить, что эта послѣдняя цыфра нѣсколько увеличена, такъ какъ основана на грузовмѣстимости кораблей, отвозящихъ рыбу; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ уходятъ съ Мурманскаго берега не съ полнымъ грузомъ и, какъ говорятъ, догружаются въ Норвегіи сушеною рыбою, которая тамъ раньше готова, чѣмъ въ нашихъ становищахъ, по причинѣ болѣе поздняго у насъ начала промысловъ. На сколько справедливъ слухъ о такой догрузкѣ въ Норвегіи, я не знаю. Если это и дѣлается, то не явно, потому что вся рыба, привозимая въ Петербургъ, выдается за мурманскую, дабы избавиться отъ уплаты пошлины, установленной на иностранную рыбу. Но то, что корабли отходятъ въ Петербургъ изъ мѣста промысловъ съ неполною осадкою, тому я самъ былъ очевидцемъ. Количество такой контрабанной рыбы, какъ говорятъ люди, знакомые съ дѣломъ, простирается до 20 т. пудовъ. На эту цыфру слѣдуетъ уменьшить ежегодный привозъ соленой рыбы въ Петербургъ. Сушеной рыбы доставляется въ столицу до 50 т. пудовъ гужемъ, что, по разсчету 75% на усушку, составитъ 200 т. пудовъ свѣжей рыбы.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что хорошій уловъ Мурманскаго берега можно опредѣлить приблизительно въ 505 т. пудовъ рыбы, въ томъ числѣ: до 375 т. пудовъ трески, съ незначительною долею палтусины, до 50 т. пудовъ сайды и до 80 т. пудовъ

другихъ породъ рыбы, какъ то: пикшуевъ, зубатки и т. п., а, кромѣ того, по среднему разсчету около 8% жира со всего количества рыбы, или, въ круглыхъ цыфрахъ, 36 т. пудовъ рыбьяго жира, который не имѣетъ сбыта въ Россіи, такъ какъ не можетъ конкурировать съ баранымъ саломъ, а вывозится въ Норвегію и въ сѣверную Германію, преимущественно въ Гамбургъ.

Принимая среднія цѣны на рыбу и жиръ, существующія на Мурманскомъ берегу, получимъ:

375,000	пуд.	трески по 45 коп. . . .	168,750	р.
50,000	„	сайды „ 30 „ . . .	15,000	„
80,000	„	другихъ тресковыхъ породъ по 25 коп.	20,000	„
36,000	„	рыбьяго жира по 1 р. 20 к.	43,250	„
			247,000	р.

Такова выручка промышленниковъ, распредѣляемая между 1000 рыболовныхъ судовъ, т. е. шнякъ и ёлъ, съ 4,300 или 4,500 человѣкъ приходящаго и постояннаго населенія Мурманскаго берега.

Будучи доставлена въ Петербургъ и въ Архангельскъ, рыба поднимается въ цѣнѣ до слѣдующихъ, приблизительно, цыфръ:

Сушеная рыба стоитъ въ Петербургѣ	отъ	2	р.	75	к.	до 3 р. 20 к.
„ „ „ „ Архангельскѣ	„	2	„	—	„	„ 2 „ 50 „
Соленая „ „ „ Петербургѣ	„	1	„	30	„	„ 1 „ 60 „
„ „ „ „ Архангельскѣ	„	—	„	90	„	„ 1 „ 20 „
Рыбій жиръ стоитъ въ Норвегіи и Гамбургѣ.	отъ	1	„	75	„	„ 2 „ 25 „

По этому разсчету обороты крупныхъ промышленниковъ-купцовъ составятъ:

По привозу въ Петербургъ:
75,000 пудовъ соленой рыбы по 1 р. 40 к.=105,000 р.
50,000 „ сушеной „ „ 3 „ — „ =150,000 „
По привозу въ Архангельскъ:
55,000 пудовъ соленой рыбы по 1 р. — к.= 55,000 „
35,000 „ сушеной „ „ 2 „ 20 „ = 77,000 „
По отправкѣ за границу:
36,000 пудовъ рыбьяго жира по 1 р. 90 к.= 68,400 „
455,400 р.

Стало быть скупщики, покрывъ произведенную ими затрату на покупку рыбы, выручаютъ 211,250 р., т. е. около 80% валоваго дохода.

О хлѣбной торговлѣ. Хлѣбная торговля на Мурманскомъ берегу находится въ зависимости отъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ. Относительно своего продовольствія хлѣбомъ 4000 человѣкъ, ежегодно приходящіе на промыселъ, поставлены въ неопредѣленное положеніе и въ полное невѣдѣніе того, достанутъ ли они себѣ хлѣба, когда истощится запасъ взятый ими съ собою изъ дому. Вышеприведенный примѣръ промѣна 3 кулей пшена на 2 т. пудовъ трески ясно показываетъ, въ какую крайность бываютъ поставлены иногда промышленники вслѣдствіе недостатка хлѣба. Такое неудовлетворительное состояніе продовольственной части зависитъ отъ способа доставки хлѣба на мѣста промысла. Хлѣбный товаръ, т. е. мука и крупа, привозятся на Мурманскій берегъ или изъ Архангельска на судахъ, плущихъ въ Норвегію, или изъ Петербурга на корабляхъ скупщиковъ рыбы; постоянныхъ же складовъ хлѣба у частныхъ лицъ нѣтъ, а общественные магазины не въ состояніи удовлетворить требованію временнаго населенія берега, и, сверхъ того, отпускъ хлѣба изъ сихъ магазиновъ производится лишь лицамъ, пользующимся Высочайше дарованными 22 ноября 1868 года льготами, не считая постояннаго населенія, приписаннаго къ той волости, которой принадлежитъ магазинъ, т. е. Лопарей. Подвозъ хлѣба изъ Архангельска начинается не раньше іюня, когда Бѣлое море очистится отъ льдовъ, т. е. уже къ концу весеннихъ промысловъ. Но и при этомъ снабженіе хлѣбомъ Мурманскаго берега составляетъ только второстепенную задачу хлѣботорговцевъ; главное же ихъ занятіе заключается въ продажѣ или промѣнѣ хлѣба на рыбу въ Норвегіи. Поэтому, какъ заходъ хлѣбнаго судна въ поселенія Мурманскаго берега, такъ и продажа тамъ части груза составляютъ явленіе случайное и неимѣющее ничего постояннаго. Отчасти оно зависитъ и отъ погоды, которая иногда не позволяетъ пристать къ берегу, несмотря на желаніе хлѣботорговца распродать часть товара до прихода въ Норвегію, отчасти же отъ того, на сколько выгодна цѣна, предлагаемая промышленниками.

Корабли, приходящіе изъ Петербурга, хотя и привозятъ хлѣбъ, но, во-первыхъ, въ незначительныхъ размѣрахъ, а во-вторыхъ, по-преимуществу цѣнные виды его, какъ то: пшеничную муку и разныхъ сортовъ крупу. Случается, что корабли опаздываютъ за противными вѣтрами, какъ это было въ нынѣшнемъ году, и тогда промышленники поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Въ нынѣшнемъ году, ко времени весеннихъ промысловъ, должна была придти въ Цыпъ-Наволокъ шкуна купца Смолина съ грузомъ

муки и крупы. По разнымъ причинамъ она пришла лишь въ половинѣ іюня, и все это время промышленики восточной стороны Рыбачьяго полуострова продовольствовались хлѣбомъ, оставшимся при факторіи Смолина отъ привоза 1874 года, и незначительнымъ количествомъ, отпущеннымъ ему изъ общественнаго магазина Кольско-Лопарской волости. Такъ какъ въ первой половинѣ іюня Поморы переходятъ съ западной стороны Мурманскаго берега на восточную и дѣлаютъ запасы хлѣба, то въ это время спросъ на него въ весеннихъ становищахъ бываетъ самый значительный. Въ теченіе одного мѣсяца у Смолина разобрали до 40 четвертей, несмотря на то, что онъ значительно сократилъ отпускъ хлѣба, боясь совершеннаго истощенія своего запаса въ противномъ же случаѣ хлѣба разошлось бы втрое больше. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія въ той пользѣ, которую принесли бы краю постоянные запасы хлѣба въ нѣкоторыхъ наиболѣе людныхъ центрахъ Мурманскаго берега, какъ напр. въ Семи-островахъ, Териберкѣ, Цыпъ-Наволокѣ и Вайдѣ-губѣ. До настоящаго времени частныя лица не приступали къ устройству хлѣбныхъ магазиновъ, основываясь на томъ, что засыпка магазина должна производиться осенью и хлѣбъ долженъ пролежать цѣлую зиму, чтобы на будущую весну поступить въ продажу; а при этихъ условіяхъ, кромѣ расходовъ на постройку магазиннаго зданія и на наемъ къ нему сторожа въ зимнее время, капиталъ, затраченный на покупку хлѣба, остался бы безъ движенія и не принесъ бы дохода въ теченіе всей зимы. Но едва ли эти доводы вполнѣ основательны. Если дѣйствительно устройство постояннаго магазина и сопряжено съ нѣкоторыми расходами и съ большею медленностью оборота капитала, то съ другой стороны хлѣбъ дешевле осенью нежели къ веснѣ, а къ концу весеннихъ промысловъ, когда истощатся запасы каждой промысловой артели, цѣна его поднимается отъ 5 до 25 коп. на пудъ, и получаемыя выгоды вполнѣ могутъ покрыть расходы по содержанію магазина и дать хорошій процентъ на затраченный капиталъ. Слѣдующая таблица представляетъ цѣны пуда ржаной муки на восточномъ берегу Рыбачьяго полуострова за послѣднія пять лѣтъ:

Годъ.	Весною.	Лѣтомъ.	Осенью.
1870	1 р. 25 к.	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.
1871	1 „ 20 „	1 „ 10 „	1 „ 10 „
1872	1 „ 20 „	отъ 1 „ 5 „ до 1 „ 10 „	95 „
1873	1 „ 20 „	1 „ — „	95 „
1874	1 „ 20 „	1 „ 10 „	1 „ 5 „
1875	1 „ 20 „	1 „ 10 „	—

Изъ этого видно, что на одной только разности въ цѣнѣ хлѣба весною и осенью получится до 15% выгоды въ девять мѣсяцевъ, или 20% годовыхъ.

Весьма было бы желательно, чтобы инициативу болѣе правильнаго продовольствованія края хлѣбомъ приняло на себя товарищество бѣломорско-мурманскаго срочнаго пароходства, хотя не въ обширныхъ размѣрахъ на первое время, и устроило бы съ осени въ одномъ изъ становищъ западнаго берега складъ хлѣба четвертей въ 300 или 500. Десятипудовая, т. е. вятская четверть ржаной муки обходится въ Архангельскѣ, если считать по довольно высокой цѣнѣ, въ 8 рублей 50 копѣекъ или по 85 копѣекъ пудъ. Фрахтъ отъ Архангельска считается обыкновенно въ 8 к. съ пуда. Такимъ образомъ пудъ хлѣба, купленнаго осенью, будетъ стоить товариществу 93 к., а весною продается за 1 р. 20 к., т. е. принесетъ въ девять мѣсяцевъ 29% или $38^2/_3$% годовыхъ. При этомъ разсчетѣ не приняты во вниманіе расходы по содержанію и ремонту магазина, а также не отчисленъ % на погашеніе издержекъ по устройству его, но съ другой стороны предположено, что хлѣбъ пріобрѣтенъ по весьма высокой архангельской цѣнѣ. Издержки по покупкѣ хлѣба могутъ понизиться до 8 р. за четверть въ Архангельскѣ и значительно больше, если товарищество приметъ на себя доставку хлѣба къ Бѣлому морю, закупивъ его въ вятской или вологодской губерніяхъ, и обойдется безъ посредничества архангельскихъ купцовъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ условіи хлѣбной торговли на Мурманскомъ берегу. Нынѣшніе продавцы хлѣба, т. е. фактористы и нѣкоторые изъ зажиточныхъ колонистовъ, не безъ основанія считаютъ болѣе для себя выгоднымъ продавать печеный хлѣбъ, нежели муку. Дѣло въ томъ, что рыбопромышленники гораздо охотнѣе берутъ первый, такъ какъ для нихъ, временныхъ поселенцевъ, печеніе хлѣба представляло бы большое затрудненіе. Вслѣдствіе этого цѣна печенаго хлѣба доходитъ до 1 р. 30 коп. и 1 р. 40 коп. за пудъ. Для продавца же представляется еще и та выгода, что печеный хлѣбъ, содержащій нѣкоторую сырость, вѣситъ больше, нежели мука: по среднему разсчету изъ 12 пудовъ муки выходитъ 13 пудовъ печенаго хлѣба.

Въ болѣе крупныхъ размѣрахъ производится торговля хлѣбомъ съ Норвегіею частью на векселя, частью въ промѣнъ на рыбу. Торговлею на векселя, т. е. продажею хлѣба норвежскимъ купцамъ съ уплатою по векселю черезъ 6 и 9 мѣсяцевъ, занимаются

преимущественно онежане, кемляне, сорочане, сумляне, кандалакшане и др. поморы; мѣновая же торговля составляетъ главное занятіе мудьюжанъ, т. е. крестьянъ Патрикѣевской волости, расположенной при устьи р. Сѣв. Двины, въ 20 верстахъ отъ Архангельска. Такое распредѣленіе занятій зависитъ: 1) отъ большей зажиточности поморовъ, имѣющихъ возможность ждать уплаты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а именно того времени, когда въ Норвегіи окончательно произведена годовая реализація рыбныхъ промысловъ и 2) отъ географическаго положенія мудьюжанъ. Близость ихъ къ Бѣлому морю даетъ имъ возможность выходить въ океанъ и появляться въ Норвегіи первыми; такъ что, когда приходятъ туда поморы, то застаютъ мудьюжанъ разсѣянными по всему сѣверовосточному берегу Норвегіи и наводнившими его своимъ хлѣбомъ. Еще большее увеличеніе предложенія хлѣба въ промѣнъ на рыбу понизило бы цѣну перваго, а потому большинство поморовъ вступаютъ въ сношеніе съ норвежскими купцами, скупающими хлѣбъ большими партіями, дабы послѣ, когда истощатся запасы вымѣненнаго хлѣба, пустить его въ продажу по болѣе высокой цѣнѣ.

Главнѣйшіе хлѣбные товары, составляющіе предметъ торговли поморовъ и мудьюжанъ съ Норвегіею, рожь, исключительно въ мукѣ, и овсяная крупа,—вывозились изъ Архангельска, за послѣднее десятилѣтіе, въ слѣдующихъ размѣрахъ, выраженныхъ округленными цифрами:

Годъ.	Четвертей ржаной муки.	Четвертей овсяной крупы.
1865	66,000	5,000
1866	65,000	2,500
1867	64,000	5,700
1868	63,000	4,500
1869	65,000	3,700
1870	78,000	4,000
1871	50,000	4,000
1872	55,000	5,000
1873	61,000	3,500
1874	66,000	4,000

Должно замѣтить, между прочимъ, что изъ всѣхъ предметовъ вывоза архангельскаго порта ржаная мука представляетъ изъ года въ годъ количества наиболѣе постоянныя. Значительныя измѣненія цифры вывоза ржаной муки произошли въ 1846 году, когда

отпущено было до 135,000 четв., въ 1848 и 1855 г., когда отпускъ уменьшился до 16,500 и 17,000 четвертей. Между тѣмъ какъ другіе товары, въ особенности рожь зерномъ, претерпѣвали значительные и быстрые переходы отъ усиленнаго вывоза до совершеннаго почти прекращенія его, какъ напр.: отъ 108,500 четвертей 1839 года до $4^1/_3$ т. четвертей 1840 года; отъ 11,250 четвертей 1843 года до 74,250 четв. 1844 года, $60^2/_3$ т. четв. 1845 г. и 330,500 четв. 1846 г. и, затѣмъ, отъ $355^1/_3$ т. четв. 1847 г. до 9,000 четв. 1848 г.; отъ 142,250 и 60,000 четвертей 1861 и 1862 годовъ до 2,500 и 460 четвертей 1863 и 1864 годовъ. Причины такого однообразія въ отпускѣ одного товара и разнообразія въ отпускѣ другаго заключаются въ томъ, что рожь зерномъ идетъ въ Голландію и Германію, а потому спросъ на нее въ Архангельскѣ зависитъ отъ мѣры снабженія этихъ странъ хлѣбомъ другихъ государствъ. Сѣверная же Норвегія снабжается ржаною мукою исключительно изъ Архангельска, и какъ вся ея потребность въ хлѣбѣ остается ежегодно почти та же, то не измѣняется значительно и отвозъ ржаной муки изъ Архангельска. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что сохраненіе существующихъ торговыхъ отношеній съ нами составляетъ для жителей сѣверной Норвегіи вопросъ первостепенной важности, что и доказываютъ цыфры вывоза ржаной муки изъ Архангельска въ 1848 и 1855 годахъ, когда, несмотря на сокращеніе ихъ болѣе чѣмъ втрое противъ цыфръ предъидущихъ лѣтъ, норвежцы не обратились на другой рынокъ за хлѣбомъ, и эта отрасль архангельской торговли въ слѣдующіе же года заняла прежнее мѣсто.

Торговля хлѣбомъ съ Норвегіею начинается со вскрытіемъ Бѣлаго моря и продолжается мѣсяцъ или полтора [1]). Къ концу этого срока запасы хлѣба въ Норвегіи становятся на столько значительны, что дальнѣйшій подвозъ его не представляетъ достаточныхъ выгодъ поморамъ. Поэтому тѣ изъ нихъ, которые опоздали по какимъ-нибудь причинамъ, идутъ въ Норвегію съ тесомъ, мѣняютъ его, на выгодныхъ условіяхъ, на хлѣбъ, скупленный купцами, а вымѣненный хлѣбъ снова обмѣниваютъ, по пониженной, конечно, цѣнѣ, на рыбу, которую солятъ и везутъ въ Архангельскъ. Тесъ въ половинѣ и въ концѣ іюля пользуется значительнымъ спросомъ

[1]) Собственно мѣновая торговля разрѣшена съ 1 іюля по 15 августа нов. ст.

въ Англіи и довольно высокъ въ цѣнѣ [1]), а потому при его посредствѣ мѣна хлѣба на рыбу совершается легче, давая возможность сдѣлать уступку на хлѣбѣ и тѣмъ привлечь желающихъ мѣняться на рыбу. Но вообще случаи такого двойнаго обмѣна не представляютъ интереса, будучи лишь исключеніями.

Наибольшія выгоды хлѣбной торговли извлекаются изъ продажи на векселя, и потому всякій разбогатѣвшій поморъ, а въ послѣднее время и нѣкоторые мудьюжане, переходятъ къ этому способу, оставляя мѣновую торговлю менѣе зажиточнымъ. Мѣновая торговля соединяетъ въ себѣ двѣ невыгодныя стороны, изъ которыхъ, впрочемъ, одна не составляетъ существенной ея принадлежности. Я говорю о пріобрѣтеніи хлѣба въ кредитъ для отвоза его въ Норвегію. Недостаточные торговцы берутъ у архангельскихъ купцовъ хлѣбъ, обыкновенно весною, съ уплатою во время маргаритинской ярмарки, т. е. въ сентябрѣ, когда продадутъ вымѣненную въ Норвегіи рыбу. Кредитъ какъ во всемъ сѣверномъ краѣ, такъ и въ Архангельскѣ, чрезвычайно дорогъ, и за ссуду хлѣба взимается 50 и болѣе процентовъ [2]). Кромѣ того торговцы-должники вынуждены скорѣе сбыть свою рыбу, чтобы расплатиться съ кредиторомъ, и, вслѣдствіе этого, понизить ей цѣну. Другая невыгода мѣновой торговли заключается въ томъ, что вѣсъ рыбы, получаемой за хлѣбъ, втрое и вчетверо превышаетъ вѣсъ послѣдняго, т. е. за пудъ ржаной муки въ Норвегіи даютъ три и четыре пуда свѣжей трески. Такимъ образомъ торговецъ, привезя полный грузъ хлѣба въ Норвегію, можетъ промѣнять на рыбу лишь незначительную часть его, иначе новый грузъ втрое или вчетверо превышалъ бы вмѣстимость его судна. Идти же въ Норвегію съ третью или съ четвертью полнаго груза—значило бы едва получить выгоду отъ фрахта и никакой почти—отъ торговли. Между этими двумя крайностями мѣновые торговцы избираютъ середину: они нагружаютъ свои суда приблизительно въ $^2/_3$ ихъ грузовмѣстимости, вымѣниваютъ на рыбу столько, чтобы послѣдняя составила полный грузъ, а остающійся хлѣбъ продаютъ норвежскимъ купцамъ на наличныя деньги. Но такъ какъ въ это время купцы дѣлаютъ значительные

---

[1]) Трехдюймовая доска въ 4 сажени длины стоитъ въ Норвегіи 1 р. и 1 р. 10 коп.

[2]) Проценты, собственно, не насчитываются, а цѣна хлѣба, отпускаемаго въ кредитъ, повышается. Торговцы хлѣбомъ въ промѣнъ на рыбу считаютъ, что пудъ муки, взятой въ кредитъ, обходится обыкновенно въ 1 р. 20 к.

запасы хлѣба, привозимаго поморами и мудьюжанами, съ уплатою черезъ 6 и 9 мѣсяцевъ по векселямъ, то, при платежѣ наличными деньгами, даютъ за хлѣбъ чрезвычайно низкую цѣну, пользуясь и тѣмъ, что мѣновымъ торговцамъ потеря времени составляетъ значительный разсчетъ, требуя болѣе крутой посолки и увеличивая утечку.

Слѣдующіе примѣрные разсчеты хлѣбной торговли на вексель и въ промѣнъ на рыбу, записанные мною со словъ одного изъ архангельскихъ купцовъ-старожиловъ, могутъ дать понятіе о разницѣ выгодъ того и другаго способовъ:

При грузовмѣстимости въ 10 т. пудовъ торговецъ на вексель везетъ полный грузъ.

ЗАТРАТЫ ЕГО СОСТАВЯТЪ:

10,000 пуд. ржаной муки на наличныя деньги .	8,000 р.
Покупка во время лѣтнихъ промысловъ 10,000 пуд. рыбы на Мурманскомъ берегу	5,500 „
Покупка соли, считая по 17 пуд. на 100 пуд. рыбы и по 24 к. за пудъ соли	408 „
	13,908 р.

ПОЛУЧЕНІЯ:

За 10,000 пуд. муки вексель на	12,500 р.
За 8,500 пуд. рыбы, считая 15% утечки, по 1 р. за пудъ	8,500 „
	21,000 р.

Остатокъ 7,092 руб. составляетъ $50^1/_4$% на затраченный капиталъ.

При грузовмѣстимости въ 10 т. пуд. мѣновой торговецъ везетъ около 6 т. пуд.

ЗАТРАТЫ ЕГО СОСТАВЯТЪ:

6,000 пуд. ржаной муки въ кредитъ.	7,200 р.
Покупка на 10,000 пуд. рыбы 1,700 пуд. соли .	408 „
	7,608 р.

ПОЛУЧЕНІЯ:

10,000 пуд. рыбы составляютъ стоимость 2,857 пуд. ржаной муки, считая по $3^1/_2$ пуда рыбы за 1 пуд. муки, остальныя 3,143 пуда муки про-	

даются по 90 к. . . . . 2,828 р. 70 к.
За 8,500 пуд. рыбы (считая 15% утечки) по 85 к. за пудъ [1]) . . . . . 7,225 „

10,053 р. 70 к.

Остатокъ 2,446 р. 70 коп. составляетъ около 32% на затраченный капиталъ.

Изъ приведенныхъ разчетовъ видно, что выгоды мѣновой торговли не подлежатъ никакому сомнѣнію. Значеніе ея выражается тѣмъ, что она служитъ переходною ступенью отъ рыбныхъ промысловъ къ крупной хлѣбной торговлѣ. Выше уже было замѣчено, что число шнякъ, находящихся во владѣніи одного лица, никогда не достигаетъ большой цифры—рѣдко 5—потому, что рыбопромышленники, успѣвшіе, послѣ нѣсколькихъ годовъ удачнаго улова, составить небольшой капиталъ, предпочитаютъ завести каботажное палубное судно, ладью, шлюпъ или раньшину и заняться хлѣбною торговлею и начинаютъ съ мѣновой. Поморы, по большей части, уже прошли переходную ступень; мудьюжане же, какъ позднѣе ихъ занявшіеся торговлею, ограничиваются еще преимущественно мѣною, но и они стремятся къ торговлѣ на векселя, представляющей болѣе выгодъ. Вотъ вѣроятно причина нѣкоторыхъ неодобрительныхъ отзывовъ о нашей мѣновой торговлѣ съ Норвегіею. Дѣйствительно, сокращеніе размѣровъ ея — скорѣе явленіе утѣшительное, нежели прискорбное, такъ какъ оно сопровождается переходомъ къ вексельной торговлѣ и свидѣтельствуетъ о поднятіи уровня благосостоянія той мѣстности, гдѣ совершился этотъ переходъ. Притомъ одновременно съ сокращеніемъ мѣновой торговли и развитіемъ вексельной происходитъ увеличеніе тоннажа перевозочнаго состава и усовершенствованіе его конструкціи. Въ Онегѣ, Сумѣ, Сорокѣ, Кеми и другихъ поморскихъ мѣстахъ строются по преимуществу шкуны, выдерживающія дальнія плаванія [2]); въ Патрикѣевской же волости шкуны стали появляться лишь въ послѣдніе два, три года, а до того жители ея (мудьюжане) ходили въ Норвегію на ладьяхъ

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что норвежская рыба вообще цѣнится въ Архангельскѣ ниже мурманской, уступая послѣдней въ свѣжести. Поэтому 90 коп. за пудъ составляетъ довольно высокую цѣну. Ср. Данилевскій, т. VI, отчетъ III, § 2, стр. 113.

[2]) Одинъ изъ кемскихъ купцовъ, именно Норкинъ, идя на своей шкунѣ на дальніе звѣриные промыслы, оказалъ знаніемъ мѣстности большую помощь австрійской полярной экспедиціи 1873 года, случайно нашедши ее между льдами въ бѣдственномъ положеніи.

и раньшинахъ [1]). Изъ дѣлъ архангельской таможни мною почерпнуты свѣдѣнія объ отходѣ мудьюжскихъ судовъ за нѣкоторые года, на выдержку, минувшаго десятилѣтія. Изъ этихъ свѣдѣній видно, какъ развивалась постепенно торговля мудьюжанъ и какъ улучшалась конструкція ихъ судовъ, а именно:

[1]) Раньшина — небольшое палубное судно около 6 саженъ длины. Мнѣ пришлось видѣть, какъ изъ обыкновенной шняки перестраивалась раньшина, предназначавшаяся для каботажнаго плаванія между Архангельскомъ и Норвегіею. Вся перестройка заключалась въ томъ, что набиты были два ряда досокъ на борта, устроена кормовая каюта и поставлены три мачты и бушпритъ. Сколько припомню, не былъ даже передѣланъ киль.

	1865 г. *)	1867 г.	1868 г.	1870 г.	1871 г.	1873 г.	1874 г.
Число отошедшихъ въ Норвегію судовъ съ грузовмѣстимостью: отъ 6 до 15 ластовъ включит.	29	18	15	28	28	25	23
отъ 16 до 25 ластовъ включит.	32	33	26	21	22	25	25
отъ 26 до 35 ластовъ включит.	6	9	7	6	7	15	18
отъ 36 до 45 ластовъ включит.	3	3	3	3	3	3	3
отъ 46 до 50 ластовъ включит.	0	1	2	3	3	2	2
на $97^1/_4$ ластовъ	0	0	0	0	0	1	1
Общее число судовъ	64	64	53	61	63	71	72
Общій тоннажъ въ ластахъ	$1168^3/_4$	$1294^1/_2$	$1086^1/_4$	$1221^3/_4$	$1226^3/_4$	$1578^1/_2$	$1635^1/_2$
Средній тоннажъ одного судна въ ластахъ	$18^1/_4$	$20^1/_4$	$20^1/_2$	20	$19^1/_2$	$22^1/_5$	$22^2/_3$
Общій тоннажъ въ пудахъ, считая 125 пудовъ на 1 ластъ	$109,843^3/_4$	$161,812^1/_2$	$135,781^1/_4$	$152,718^3/_4$	$153,343^3/_4$	$197,312^1/_2$	$204,587^1/_2$
Количество вывезеннаго груза въ пудахъ: ржаной муки.	79,975	85,350	87,050	109,250	100,750	132,730	138,990
овсяной крупы	4,415	7,640	9,045	7,470	7,945	11,800	6,135
Итого вывезено пудовъ муки и крупы	84,390	92,990	96,095	116,720	108,695	144,530	145,125

*) Уже въ 1865 году между кемскими судами были такія, грузовмѣстимость которыхъ доходила до 60 ластовъ, между кегерскими—до 50 и 60 ластовъ и между сумскими—до 82 и 119 ластовъ.

Если взять два крайніе года этой вѣдомости—1865 и 1874, то замѣтно уменьшеніе числа мелкихъ судовъ и увеличеніе числа крупныхъ, отчего средняя грузовмѣстимость одного судна въ послѣдній годъ десятилѣтія превышаетъ таковую перваго года болѣе чѣмъ на четыре ласта. Нѣкоторая неравномѣрность въ повышеніи средняго тоннажа въ 1867 и 1868 гг. объясняется значительнымъ сокращеніемъ въ эти два года, и въ особенности въ послѣдній, числа мелкихъ судовъ, чему, по всей вѣроятности, былъ причиною полный неурожай 1867 года, всего чувствительнѣе отозвавшійся на недостаточныхъ торговцахъ. Но, не взирая на бѣдствія, постигшія населеніе, количество отпускаемыхъ товаровъ постоянно, хотя съ нѣкоторыми колебаніями, увеличивалось, и это постоянство въ возрастаніи отвоза доказываетъ, что мѣновая торговля доставляетъ не случайныя, а опредѣленныя выгоды. Таковъ, впрочемъ, отзывъ и тѣхъ промышленниковъ, которые ею занимаются: сколько мнѣ ни приходилось разговаривать съ ними объ этомъ предметѣ, они единогласно утверждали, что только мѣновая торговля и даетъ имъ возможность производить съ выгодою свои операціи, не имѣя собственнаго капитала.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша каботажная торговля на Сѣверномъ океанѣ получила бы значительно большее развитіе при существованіи въ томъ краѣ незамерзающаго порта. Но въ настоящее время трудно еще судить, на сколько осуществимо предположеніе объ устройствѣ коммерческаго порта и города *) собственно на Мурманскомъ берегу; во всякомъ случаѣ приведеніе его въ исполненіе сопряжено будетъ съ значительными издержками. Казалось бы болѣе удобоисполнимымъ воспользоваться существующимъ уже вблизи береговъ Ледовитаго океана городомъ Колою. Правда, что въ настоящемъ своемъ положеніи Кола представляетъ мало значенія для торговли и промысловъ, но не слѣдуетъ забывать, что условія, въ которыя она поставлена въ географическомъ и административномъ отношеніяхъ, препятствуютъ ея развитію: отрѣзанная отъ всего окружающаго міра въ продолженіе весенней и осенней распутицъ

*) Экспедиція, посѣтившая въ 1872 году Мурманскій берегъ, подъ предсѣдательствомъ чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, д. с. с. Собѣщанскаго, проэктировала устройство трехъ коммерческихъ портовъ на Мурманскомъ берегу: въ губѣ Большой Корабельной, на островѣ Кильдинѣ и въ губѣ Порчнихѣ. Находившійся же въ составѣ экспедиціи членъ отъ министерства финансовъ высказался противъ всякаго проэктированія коммерческаго порта въ губѣ Порчнихѣ.

и непредставляющая существенныхъ выгодъ ни для службы, ни для торговца, Кола считается мѣстомъ ссылки не только для лицъ, которыя туда ссылаются административнымъ порядкомъ, но и для тѣхъ, которыхъ обстоятельства вынуждаютъ поселиться тамъ по служебнымъ и частнымъ своимъ занятіямъ. Возможность иного состоянія для города Колы доказывается благоденствіемъ ея во времена содержанія на откупу графомъ Шуваловымъ океанскихъ промысловъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Вотъ что говоритъ по поводу этого академикъ Озерецковскій *): „Тогда Кола была многолюдный городъ, въ которомъ все, къ содержанію потребное, безъ труда имѣть было можно, потому что иностранцы привозили туда на судахъ разные товары, которые привлекали въ Колу архангелогородцевъ и другихъ поморцевъ, съ береговъ Бѣлаго моря, также съ разными россійскими товарами, а наипаче съ хлѣбомъ; и коляне, упражняясь неусыпно въ морскихъ промыслахъ, всегда имѣли столько добычи, что могли ею безбѣдно себя содержать, продавая за деньги и промѣнивая оную за хлѣбъ“.

*) «Описаніе Колы и Астрахани», стр. 7.

Сѣверный
ледовитый
океанъ
Лапландія
Оъ Кильдинъ
Губа Териберская
Териберка
Стн Корабельное
Стн Лица
Губа Лица
Стн Круглое
М. Св. Носъ
О-ва Іоканскіе
Іоканскій погостъ
Дальн. Семи-островск. погостъ
Стн Трящино
35
37
39
69

Сѣверный ледовитый океанъ
Варангерскій заливъ
г. Вадсэ
г. Вардэ
Полуостровъ Рыбачій
Полуостр. Средній
Кол. Земляная
Кол. Червяная
Колонія Печенга
Заливъ Мотка
Кол. Ура
Губа Оленья
Екатерининская гавань
Ст. Среднее
Гор. Кола
р. Тулома
Ов. Кильдинъ
Ов. Мал. Олений
Губа Териберская
29
31
33
35
70
69
От Гринвича

II-37123p

0-20